

Ю. М. ШАНИБОВ

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЯ
МОЛОДЕЖИ ПОЗНАЮЩЕГО, ВОЗРАЖДАЮЩЕГО
И РАЗВИВАЮЩЕГО СЕБЯ ЭТНОСА**

С о д е р ж а н и е

Введение	2
Из истории вопросов проблемы	5
Тезисы хомоцентрической социологии	11
Диалектика философии и социологии воспитания ...	25
Логика идей и деяний познающего, возрождающего и развивающего себя этноса ...	46
Идеология модернизируемого общества	76
Заключение	87

Нальчик – Сухум, 2010

ВВЕДЕНИЕ

В мире нет ничего сильнее идеи, чье время пришло.

Виктор Гюго

Настоящий материал является кратким общетеоретическим и в определенной, меньшей степени научно-практическим введением в проблематику учрежденного 17 февраля 2010 г. на расширенном заседании кафедры политологии и социологии Абхазского госуниверситета (АГУ) СЕКТОРА СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ, названного для удобства СЕКТОРОМ СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ. В настоящей первой части этих материалов и прилагаемых к ней трех других частей кафедры политологии и социологии АГУ публикует теоретический и научно-практический опыт долговременного руководителя лаборатории социологических исследований при кафедре политологии и социологии Кабардино-Балкарского госуниверситета Ю.М, Шанибова. Эти четыре части публикуемых материалов станут методологическими и методическими документами для успешного начала деятельности сектора социологии воспитания. Естественно, определенные положения этих материалов в ходе их использования и накопления собственного опыта будут более конкретно привязаны к воспитательной и учебной ситуации АГУ.

Для успешного начала работы СЕКТОРА СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ кафедры политологии и социологии АГУ, естественно, первоначально должны быть подготовлены методологические, методические, технологические и иные инструментарии. Эти материалы могут быть объединены в три группы, первой из коих является настоящая разработка, представляемая ректорату и кафедре политологии и социологии АГУ. Вслед за ней будут представлены и материалы по второму и третьему группам. Согласно нашей договоренности эти методологические и методические материалы, необходимые для успешного начала работы СЕКТОРА СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ, будут АГУ изданы в количестве не менее 50-70 экземпляров по каждой группе. По-видимому, такое количество первоначальных теоретических, и методических материалов будет достаточным для обеспечения ими активно действующего педагогического и студенческого актива.

Учреждение в университетской системе Абхазии подобного подразделения - СЕКТОРА СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ – является, насколько это нам известно по результатам поисков в Интернете, первым случаем открытия на постсоветском пространстве реального научного сообщества по проблемам социологии воспитания. Оно, можно сказать с уверенностью, станет основой создания кафедры социологии воспитания и самовоспитания молодежи Абхазии, а также создания теоретической и научно-практической основы новой научной и учебной дисциплины. Кафедра политологии и социологии, и принимавшие участие в ее заседании обществоведческий руководящий актив АГУ в определенном смысле

опережающе пошли через пол века по пути прославленных университетов Запада.

Интерес на Западе к философии воспитания к концу 60-х годов прошлого века получил определенные организационные формы. Так, в Англии, США, ФРГ, Великобритании были созданы кафедры философии воспитания, ввели защиту докторских диссертаций по философии воспитания. Государственные учреждения этих стран поддержали инициативы вузов и учредили различные комитеты, создали исследовательские центры, приняли ряд законодательных актов по регулированию и проведению исследований и использованию их результатов в данной области. В 1965 г. при Оксфордском университете был создан исследовательский центр по проблемам нравственного воспитания. При нем стал выходить журнал «Нравственное воспитание». В Великобритании в ряде округов начали разрабатываться практические советы школьной администрации, включающие конкретные программы нравственного воспитания учеников. В США возникло национальное общество по философии воспитания. В странах Запада были проведены научно-практические конференции по вопросам нравственного воспитания. Возросло количество публикаций по философским проблемам воспитания.

Возросший интерес западных философов к данной проблематике, как отмечают, был связан с осознанием наличия глубокого кризиса системы воспитания на Западе (см.: Шварцман К.А. Философия и воспитание. – М., 1989, с. 8-9).

Приведенный опыт передовых научных сообществ развитых народов Запада в СССР и России своевременно не был оценен и использован. А после «ельциновской революции» разрушенной общественной и образовательной системе России не было дела до передовых воспитательных систем. И только в 2002 г. руководители университетов России осознали, что вузам необходимо вернуть функции воспитания. Позже это возвращение важнейшей функции вузам в России выразилось в том, что были созданы новая чиновничья структура с немалым штатом под названием – управления воспитания. Без анализа состояния воспитания, выяснения кризиса его состояния и назревших, перезревших проблем этого состояния, формирования научно обоснованных программ, проведения экспериментов по проверке эффективности этих программ и т.д. эти управления были не в состоянии решить проблемы, стоящие перед вузами, высшим образованием.

Новые веяния в системе высшего образования России, очевидно, оказали определенное позитивное влияние и на систему образования Республики Абхазия. Но как в России, так и Абхазии обозначенная проблема очень далека от удовлетворительного разрешения.

В Кабардино-Балкарском госуниверситете им. Х.М. Бербекова мы как социолог занимались с 1970 г. по настоящее время исследованием, экспериментированием, разработкой эффективных форм воспитания молодежи путем повышения творческой активности молодежи. При этом разработанную нами теоретическую социологическую концепцию назвали хомоцентрической, личностноориентированной. Западный опыт разработки

философии воспитания и наш опыт могут быть сравнены в аспекте их главной идеи и цели. Европейская философия воспитания исходит из идеи формирования сознания учащейся молодежи и обеспечения в результате ее активной общественной деятельности. Адыгская, кабардинская хомоцентрическая социология организует активную и творческую общественную деятельность учащейся и рабочей молодежи и на этой основе формирует новое сознание, соответствующее им поведение, и на их основе – новые привычки и потребности.

В настоящей разработке мы намерены в порядке первого приближения сформулировать основные исходные научно-теоретические положения вводимой нами в научный оборот хомоцентрической социологии. Она разработана в условиях России и нуждается в приспособлении к условиям свободной Абхазии, как теоретической основы социологии воспитания и самовоспитания молодежи. Данная философско-социологическая концепция является обобщением нашего опыта в связи с нашим назначением кафедрой политологии и социологии АГУ заведующим указанного выше сектора воспитания теоретических поисков и практического применения методологии и методики открытого нами нового направления в мировой социологии. Накопленный сорокалетний опыт охватывает теоретические и внедренческие работы, проведенные нами в общественно-политической, научно-педагогической, управленческо-самоуправленческой, воспитательной и самовоспитательной сферах общественной жизни в условиях сложной российской действительности в конце XX и начале XXI веков. Эти важные и разнообразные проблемы были поставлены и разрешены, прежде всего, как задачи совершенствования социально-воспитательных функций высших, общеобразовательных и других учебных заведений с последующим перенесением опыта и на другие сферы жизнедеятельности общества. Теперь же, при их изложении и расширении нам предстоит осуществить относительно новый подход к этим материалам с учетом эпохальных событий, имевших место в жизни народа Абхазии.

Настоящая методическая разработка дополнена тремя важными проблемами. Эти дополнения к представленному АГУ первому варианту нашей разработки посвящены анализу диалектики западной философии воспитания и анализом диалектики западной философии воспитания и нашей социологии воспитания, выстраиванию и обоснованию определенной логики идей и деяний познающего и возрождающего себя этноса, а также общими контурами возможного первоначального варианта систем технологии и идеологии модернизирующего себя абхазского государства и общества.

К нашей великой удаче и радости обязанность и возможность ставить и разрешать судьбоносные задачи модернизации, возрождения и развития своей национальной жизни народ Абхазии получил в результате мужественного отстаивания своей свободы и независимости ценой великих жертв и признания его государственной независимости и оказания щедрой братской помощи Великой Россией.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСОВ ПРОБЛЕМЫ

Будущее человечества создается сегодня, и определяется оно уровнем фундаментальной науки и образования. На нынешнем поколении лежит ответственность за сохранение и приумножения знаний, составляющих основу цивилизаций.

Из Московской декларации (2005 г.)
ведущих представителей мирового
научного и образовательного сообщества
«О роли фундаментальной науки и
образования».

В одной из наших последних монографий была опубликована наша «Концепция воспитания студентов социально-гуманитарного института КБГУ: методология и методика инновационного воспитания в вузе» (см.: Шанибов Ю.М. Идеи и деяния. – Майкоп: ГУРИПП, 2005, с. 153-280). В этих материалах был кратко обобщен наш почти сорокалетний теоретический и научно-практический опыт реализации нашей инновационной концепции – хомоцентрической социологии – через реальную инновационную и, конкретнее, социоинженерную педагогическую практику. При этом важно отметить тот факт, что эти материалы тогда были собраны и обобщены в результате запроса всей российской вузовской практики. Также следует учесть, что проблема, над которой так долго мы работали, в настоящее время оказалась актуальнейшей проблемой всей системы высшего образования реформируемой России. Совершенно очевидно, что опыт решения этой воспитательной проблемы является чрезвычайно актуальным и для признанной государственности и свободного общества Абхазии

Важно отметить и то обстоятельство, что в годы формирования ельцинского «грабительского капитализма» в России вузы были окончательно лишены функции воспитания. В послеельцинском периоде, в декабре 2002 г. VII съезд Союза ректоров РФ пришел к выводу, что возвращение вузам обязанности воспитания своих питомцев – настоятельное требование жизни. При этом Съезд подчеркнул, что управлять успешно процессом воспитания в вузе невозможно без практического участия в процессе самого студенчества в различных формах САМОУПРАВЛЕНИЯ. В результате наш сорокалетний опыт по теоретическому, научно-практическому обоснованию и экспериментально-внедренческому подтверждению идей и форм молодежного самоуправления приобрел общероссийскую ценность. Очевидно, что с аналогичной, еще более сложной проблемой сталкивается и высшее, вся система образования Абхазии.

Теоретической и методологической основой нашей научно-исследовательской деятельности стали разработанные новые направления в социологии и затем и социальной философии. Путь к ним был долгим, а результаты для всего обществознания – революционными. Забегая вперед,

скажем, что сутью поставленной и разрешенной нами проблемы было: ортодоксальная социология управления социальными процессами более не может быть эффективной без дополнения ее социологией самоуправления. В этом направлении, насколько нам известно, среди отечественных и западных социологов прошлого и настоящего важное движение сделал только один классик современной французской социологии Пьер Бурдьё. Он пришел к очень важному выводу о том, что современная ортодоксальная социология обязана своим социальным успехом тому факту, что она отвечала господствующему заказу или «заказу на «научную» легитимацию спонтанной социологии господствующих» (Бурдьё П. Социология политики. Пер. с франц. Сост., общ.ред. и предисл. Н.А.Шматко) – М.: Socio-Logos, 1993, с. 9). Независимо от П.Бурдьё, с книгой которого мы познакомились в 1994 г., мы рано - с результатов первого исследования, проведенного студенческим социологическим кружком под нашим руководством 1970 г. – обнаружили эту двухвековую односторонность социологии, которую гениально заметил и осудил П.Бурдьё, но развернутого анализа явления не дал.

Здесь уместно сказать о том, что приведенная оценка Бурдьё ортодоксальной социологии стала для нас методологическим ключом к теоретическому осмыслению наших долговременных поисков. И судьбе было угодно, чтобы профессор социологии Чикагского университета (США) Георгий Дерлугьян в период сбора материалов своей книги, изданной в Нью-Йорке в 2005 г., а в 2010 переведенная с английского на русский и изданной в Москве, заочно познакомил с нами П. Бурдьё. Русское издание книги под названием «Адепт Бурдьё на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе» осуществлено Издательским домом «Территория будущего» А.Л. Погорельского (если кто-то заинтересуется книгой, раскрывающей глубокие тайны крушения идей и практики мирового социализма через эскизы к биографии Шанибова, то телефон издателя - 8 495 933 75 90). П.Бурдьё – ученик знаменитых Луи Альтюссера и Мишеля Фуко - был одним из великих обитателей мирового социологического Олимпа, создавшего самостоятельное социологическое течение, называемого «Школой Бурдьё». Он был директором-исследователем в парижской Высшей практической исследовательской школе, основателем и руководителем Центра европейской социологии, создателем и редактором ведущего французского журнала «Ученые труды в социальных науках», заведующим кафедрой социологии в Коллеж де Франс, действительным членом Французской академии наук, автором 27 монографий.

Дерлугьян пишет о том, как познакомил нас с Бурдьё. «Письмо вместе с фото кабардинского политика Муссы (Юрия) Шанибова попало в руки Пьера Бурдьё на первый взгляд достаточно случайно, - пишет автор. – Иммануил Валлерстайн, глава моего диссертационного комитета в университете штата Нью-Йорк, предпочитал проводить весенний семестр в Париже. В конце отчета я весло приписал, что если ему случится где-то на бульваре Сен-Жермен столкнуться с Бурдьё, то можно озадачить французского коллегу

фото его «тайного адепта» в папаше...» (Дерлугьян Г. Указ. книга, с. 7). Оказывается, Бурдые и Валлерстайн, два самых великих современных социологов Запада принципиально не общались. И, тем не менее, Валлерстайн передал письмо Дерлугьяна Бурдые. Великий французский социолог, как рассказывает Г. Дерлугьян, проявил живой интерес к своему единомышленнику на Кавказе и сотрясавшим тогда мир кавказским делам и мой портрет в папаше, скопированный с фотографии, посланной ему Дерлугьяном, висел у него в служебном кабинете в Париже (см.: Там же, с. 536). Узнав о нашем заочно знакомстве с Пьером Бурдые, я через знакомого журналиста французской газеты «Фигаро» направлял обширный материал о моем видении поставленной им задачи модернизации «спонтанной социологии господствующих». Но, к моему глубокому сожалению, больной Пьер Бурдые ушел из жизни в январе 2002 г. и эти материалы не получил...

Книга Дерлугьяна Г. в 2005 г. была признана Американской социологической ассоциацией лучшей книгой по политической социологии. В 2006 г. литературное приложение знаменитой Times отнесло ее к лучшим книгам. В 2009 г. за эту книгу автор получил самую престижную премию Европейской социологии. Известный журнал «Русский репортер» в 2010 г. Дерлугьяна назвал в числе десяти «самых влиятельных экономистов и социологов (2000-2010 гг.)». В числе многих достоинств Дерлугьяна Г. журнал отметил и такое его качество: «...Он проникателен: способен через биографию одного человека показать, как рождаются социальные миры и государства» (Русский репортер. – М., 2010, № 20, с. 70).

По логике своего мировоззрения и пути научных поисков нам удалось обосновать необходимость формирования рядом с кратоцентрической социологией (так мы назвали состояние ортодоксальной социологии, получившее указанную выше характеристику П.Бурдые) хомоцентрической (или человекоцентрической, личностноориентированной) социологии, каковым понятием мы обозначили развитое нами направление современной социологии. А так как социология дает общую фактологическую базу социальной философии, то необходимость формирования и хомоцентрической социальной философии неизбежно следовала из радикального обновления науки ее общественно-практического основания.

При этом одновременно с формированием новой социологической концепции мы сумели осуществить ее практическое применение в социальной реальности. Социологические исследования, а также экспериментальная и внедренческая проверка их результатов в аспекте хомоцентризма дали нам возможность обнаружить и измерить наличный слой инициативных, творческих, авангардных групп коллективов, общностей, готовых к практическим действиям. Эта авангардная группа общности могла стать эффективным фактором, которая на своем реальном примере и своему обоснованному требованию мобилизовала бы весь коллектив на утверждение в общности воли действующих социальных норм и обеспечения соответствующего им индивидуального и группового поведения и аморфной части коллектива. Наш опыт юриста, правоведа дали

понять, что потенции авангардных групп могут быть реализованы только при условии создания ими собственной организации, действующей на основе самоуправления. При этом неизбежно возникающий между новой самоуправленческой организацией и аморфным, девиантным большинством коллектива конфликт мог разрешаться самим коллективом, эволюционно без кризиса и революционных потрясений. Так в коллективе создавалась бы ситуация общностного интеллектуального и поведенческого пробуждения, ускоряющего процесс социализации и самовоспитания личности, членов коллектива и направления общего вектора развития коллектива в сторону ускоренного прогресса.

Эти хомоцентрические идеи и созданная на их основе нами модель студенческого самоуправления были активно поддержаны ректором КБГУ проф. В.К. Тлостановым и внедрение нового института общественного самоуправления в университете началось в 1974 г. Социологический эксперимент по внедрению новой модели студенческого самоуправления в КБГУ прошел невероятно успешно. Затем опыт этого нового типа самоуправления модифицировался и внедрялся нами в тридцати различных трудовых и региональных коллективах многих регионов страны.

В течение около сорока лет УПОРНО И БЕСПРЕРЫВНО, подгоняемый непостижимой силой по необъяснимой причине, может быть, по воле Мирового Духа, мы занимались СОЗДАНИЕМ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ, МИНИГОСУДАРСТВ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И ДРУГИХ ОБЩНОСТЕЙ, РАЗРЕШАЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И ПРАВОВЫЕ, ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДОВ И КОЛЛЕКТИВОВ, КОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ НЕ В СОСТОЯНИИ БЫЛИ РЕШИТЬ!

Нам представилась возможность изложить основные теоретические и практические идеи хомоцентризма на всероссийской встрече ортодоксальных (кратоцентрических) социологов. На всероссийских социологических чтениях в г. Руза в 2002 г. на пленарном заседании чтений мы изложили суть формирования, цели и задачи, практические последствия вторжения в социальную практику хомоцентрической социологии. Настороженно и молча восприняли ведущие социологи российской кратоцентрической социологии нашу идею о том, что, как выше указывали, кратоцентрическая социология должна приветствовать появление хомоцентрического направления, его непосредственные «родственники» – традиционные социологи..

На этой встрече социологов имело место нелюбезная критика докладчиков, которых забрасывали вопросами. Так, они с заседания «прогнозили» одного из отцов российской социологии В. Ядова, который не выдержал перекрестного «допроса», нервно закурил и покинул зал заседания, резко отбиваясь. В такой ситуации по-алфавиту передо мной выступил член-корреспондент РАН Яновский. По иронии судьбы он был одним из двух оппонентов, которые отклонили мою докторскую диссертацию, принятую

директором Института социально-политических исследований РАН Г.В.Осиповым. Яновский вместо темы заявленного выступления начал рассказывать о своем визите в Китай. Его не стали слушать, и он быстро закончил свое выступление.

После Яновского мне последним из выступавших предоставили слово, когда аудитория уже собиралась на обед и уже не хотела никого слушать. В такой обстановке мы доложили избранному социологическому сообществу России свои невероятные новации в процесс развития социологии. Присутствующие в необычной тишине нас выслушали. При этом, я следил за Яновским. Он с нескрываемым интересом слушал. Возможно, пытался вспомнить, где слышал мою фамилию и «зарезанные» им когда-то идеи. После моего выступления председательствующая вице-президент Российского общества социологов Е. Осадчая несколько раз переспрашивала, есть ли к Юрию Мухамедовичу вопросы? Зал молчал! Президент РОС Е.Мансуров сидел, опустив голову на обе руки, и тоже молчал. Наконец, прервав тишину, президент поднял голову и сказал: «Прежде чем задавать Шанибову вопросы, надо переварить то, что он сказал». Действительно в отношении нашего сообщения участники Российских социологических чтений не задали ни одного вопроса. Косвенно о реакции участников можно было судить по двум последовавшим за этим случаям. Когда участники чтений начали фотографироваться, вице-президент РОС, проректор МСГУ Осадчая пригласила нас в свою группу и сфотографировались. Кроме того, я был приглашен профессором Осадчей для участия в банкете для узкого круга лиц, который давался руководством Московского социально-гуманитарного института, которое принимало на своей курортной базе участников чтений. Но я спешил на занятия в КБГУ и поэтому присутствовать на этом банкете не мог.

Позже я направил свою докторскую диссертацию через другого проректора МСГУ Никитина, который был председателем госэкзаменов на отделении социальной работы КБГУ, где я читал обширный курс социологии, Осадчей, председателю докторского совета МСГУ по проблемам управления. Но она не ответила на мою просьбу. Пытался понять причину подобной бестактности знаменитого социолога: может не «переварили» представленную в диссертации концепцию? Или вынужденно не было нами принято ее приглашение на банкет? а может и то и другое вместе? Понимая его некоторую неуместность, не могу воздержаться от констатации еще одного факта: проректор МСГУ профессор Осадчая, член около десятка различных отечественных и зарубежных академий наук, была самой красивой молодой женщиной, которую я видел в системе образования СССР и РФ в течение около сорока лет... Да, наконец, отмечу, что после всего этого, я прекратил какие – либо контакты с Российским обществом социологов, которое кроме пересказов материалов западной социологии, ни производить, ни терпеть ничего своего необычно нового российского не в состоянии.

Такие инновации в науке «перевариваются» медленно и плохо. Поэтому нашу докторскую диссертацию, с охотой принятые к защите в диссертационных советах в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, под надуманными предложениями из-за «непереваривания» новой научной концепции были автору возвращены. Затем она была защищена на международном докторском совете и удостоена двух дипломов доктора социологии - Международной Кадровой Академии и Калифорнийского Открытого университета.

Такое же настороженное восприятие имеет место даже и среди некоторых близких к нашим идеям социологов. Один из них, наиболее способный понять, о чем в нашей инновации речь, все же не рискнул признать самостоятельность нового направления в социологии, обоснованного в наших материалах, с которыми он неплохо был знаком. Этот доброжелательный и способный воспринять новации социолог пришел к следующему выводу: «Безусловно, этот подход в определенной степени созвучен с экзистенциальной концепцией социальной философии и феноменологической социологией. Но новизна и инновационность позиции Шанибова Ю.М. заключается в практико-вендренческой составляющей социологического анализа социальных явлений».

Наш ответ на аналитическую оценку хомоцентрической концепции, неожиданного нового направления социологии, сочли заслуживающим того, чтобы во введение указанной монографии – «Идеи и деяния» – были бы включены. Они, как считали, могли помочь читателю «понять природу новизны шанибовской концепции хомоцентрической социологии на примерах ее сравнения с двумя соприкасающимися в какой-то степени с ней философской и социологической теориями, указанными аналитиком выше.

«Постановка вопроса о сравнительном анализе хомоцентрической социологии, - писали мы в этом материале, - в системе общественных, гуманитарных дисциплин, многочисленных школ философии и социологии закономерна. В контексте вводного слова комментарии к позициям аналитической оценки моего оппонента должны быть краткими. Более детальное освещение проблемы – дело будущего».

Теперь же это будущее настало в связи с практическим началом внедрения наших идей и технологий хомоцентрической социологии, накопленные социологией Кабардино-Балкарского госуниверситета, в Абхазском госуниверситете и затем, надеемся, во всей системе образования Абхазии.

Перед этим более подробным анализом сущности хомоцентрической социологии надо определиться в отношении нескольких важных методологических принципов. Во-первых, надо исходить из общепризнанного факта, что социальная философия и теоретическая социология на высшем уровне в основном при исследовании своего объекта сливаются в единое целое. При этом, естественно, каждый из этих научных дисциплин сохраняет свою специфическую самостоятельность, которая может быть вычленена из этого синтетического единства. Следовательно, формирование концепции хомоцентрической социологии целесообразно

начинать с философских концепций, содержащих в себя в относительно снятом виде социологические аспекты охватываемых ими явлений.

Во-вторых, на первоначальном этапе формирования теории хомоцентрической, человеко – лично – ориентированной социологии изложение ее положений лучше приводить путем их сравнительного анализа в системе существующих их общих тезисов, положений и ориентиров. Этот второй принцип необходимо соблюдать по той важной причине, что, как будет видно из последующих исследований, в явлениях, отражаемых в этих философских тезисах, естественно содержатся игнорируемые или недостаточно замечаемые социологические аспекты. И это второе обстоятельство дает нам возможность для вычленения этих социологических аспектов и их сравнительного анализа с их социально-философскими трактовками. С учетом указанных обстоятельств мы изложим под названием тезисов хомоцентрической социологии наиболее важные положения нового направления в мировой социологии. Может быть, более традиционное изложение положений хомоцентрической социологии осуществят наши возможные адыгские, кабардино-черкесские и абхазские последователи.

ТЕЗИСЫ ХОМОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно.

Иоганн Гете

Тезис первый. Как известно, первой западной личноориентированной теорией, *трактирующей личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности – бога*, является **персонализм**. Из обширных материалов этого направления философии, развивавшего длительное время по всему Западнему миру, уместно, прежде всего, выделить для наших целей, наиболее важные моменты его разработки в России. Следует подчеркнуть, что распространение персонализма было симптомом кризиса позитивистского мировоззрения и усиления тенденции иррационализма в начале XX века. К такому же состоянию Россия, похоже, повторно вернулась в начале XXI века. Об этом свидетельствуют красноречивые факты, когда высший руководитель новой России заявляет, что в стране «больше революций и контрреволюций не будет», а ее демократия будет «управляемой» автократической вертикалью власти. Таким образом, отдельная российская личность позволяет себе в начале XXI века присвоить функцию отменять и распоряжаться объективными и субъективными факторами, законами и закономерностями истории относительно разрушенных и приведенных в состоянии хаоса глобальных социальных процессов России. К нашему удовлетворению в политическом поле свободной Абхазии в настоящее

время не проявляет себя верховная руководящая личность, которая настолько была бы интеллектуально категорична и волюнтаристски насыщена.

Однако архетипам всех обществ, которые последние два-три века находились в составе российской цивилизации, наследия и интенции российских социальных, политических традиций и интеллекта неизбежно присущи. Поэтому возникшая на базе кавказского интеллекта хомоцентрическая социология должна, прежде всего, разобраться в своих отношениях с постулатами российского персонализма, которые в наше время имеют тенденцию, как выше отмечали, к возрождению политической практикой. Это может помочь исключить или смягчить рецидивы иррационализма в политической сфере, на которую может влиять кавказская хомоцентрическая социология.

Приведем наиболее важные положения российского персонализма (известными представителями которого были Н. Бердяев и Л. Шестов), сопоставляя их с позицией хомоцентризма по этим же проблемам.

1. Российский персонализм считал личность единственным субъектом истории и носителем культуры общества. При этом личность была противопоставлена обществу и его притязаниям определять всю ее жизнь, а судьба личности была противопоставлена теории исторического прогресса.

Для человекоцентрированной, личноориентированной хомоцентрической теории приведенные положения на первый взгляд очень привлекательны. Однако их принятие означало бы сведение мыслительного материала истории, общества к мышлению отдельных личностей, а также общественного сознания к индивидуальному сознанию. А вся история человечества свидетельствует о том, что отдельная личность или группа могут стать субъектами истории лишь в той степени, в какой они являются носителями культуры общества и способны выражать на этой основе интересы масс, главных носителей этой культуры. Да, история также свидетельствует о том, что отдельная личность (и его группа) может иметь ложное, извращенное сознание и соответствующую им неразвитую культуру, и она может повести за собой похожее на нее по этим же признакам общество. Но этот путь, каким бы длинным он не был, оказывается ложным и кончается катастрофой, как для этой личности, так и для последовавшего за ним общества. Поэтому общество реально не имеет притязаний определять всю жизнь личности, и ее судьба не противопоставлена историческому прогрессу. Хомоцентрический подход к проблеме утверждает очевидную историческую истину: без знания и учета положений теории исторического прогресса личность не может стать реальным и положительным субъектом социальных процессов, а без подобной же прогрессивной личности теория исторического прогресса развиваться и продолжаться не может.

Следовательно, лидер общества, действующая под его командой политическая элита, а также интеллектуальная элита, интеллигенция общества, из среды которой берутся и лидер и его команда, должны быть достаточно просвещенными в области исторического, общественного

прогресса. История свидетельствует о том, что отдельные общества в отдельные периоды истории имели отдельные лидеры, спонтанно обеспечившие длительные этапы их быстрого и прогрессивного развития. Но подобные стихийные явления не соответствуют ходу современной истории. Для развития общества в наше время необходимо, чтобы у него было достаточно знаний о самом себе, чтобы элита владела этими знаниями, а политики и управленцы следовали им. А такие специфические знания в наше время дает только главная общественная наука – социология.

Успехи общественного развития до сих пор обеспечивала кратоцентрическая социология, вооружая институты государственного и административного управления определенными знаниями в области человеческих отношений. Но эти знания кратоцентрической социологии о человеке становились потребными, заказывались как необходимые и использовались практически преимущественно только с позиции господствующих, управляющих. Теперь новое необходимое будущее личности – что и кто она есть, и кем она быть может – зависит от дополнения знаний и возможностей кратоцентрической социологии такими же свойствами хомоцентрической социологии. Это дает возможность развить управление от состояния стихийной и научно-усеченной опоры на самоуправлении управляемых, до научно обоснованного использования фактора самоуправления управляемых.

2. Все учения о человеке, рассматривающее его в соотношении с природой или обществом, а не самого по себе, недостаточны. Существование индивида, вплетенное в сложную сеть общественных отношений, подчиненное социальным изменениям, исключает для него возможность утвердить свое неповторимое «Я».

Эту мысль Бердяева и Шестова образно выразил и великий Дени Дидро, который восклицал: «Сколько людей умерло, и сколько еще умрет, так и не узнав, кем они были». С позиции хомоцентрической социологии надо признать, что все эти великие три мыслителя в какой-то степени правы только относительно отдельных конкретных обществ – например, по Марксу: первобытного коммунизма, рабовладения, феодализма, капитализма и социализма – истории, которые неизбежно включали в свои общественные отношения и формировали свои специфически односторонние типы личности. Однако на самом деле надо иметь в виду очевидную истину: человек (личность) не имеет других измерений, кроме как через его физическую природу и природу «породивших» его общественных отношений, ибо он может свое «неповторимое «Я» формировать внутренне, раскрывать внешне, т.е. знать, кто он есть, и кем он стал и может стать, только познавая эту свою природно-общественную сущность и возможности общественных (прежде всего, политических, государственно-управленческих) отношений. Вне этих двух составляющих у личности нет еще одно «неповторимое «Я». В любом обществе знают, что «сущее» и «существование», реально должное положение людей и навязано существующее их положение не совпадают. К познанию и выработке

проектов разрешения этого главного противоречия общества различные направления социологии подходят по-разному. Кратоцентрическая социология познает это состояние для определенного устранения противоречия в интересах господствующих, правящих, управляющих. Хомоцентрическая социология делает это же самое в интересах общества и на основе созревших в конкретных условиях потребностей людей.

3. Вопрос о закономерностях социального развития не может быть решен рациональным познанием. Решение всегда исходит из личности, предполагает направление воли, выбор, нравственную оценку.

Это положение персонализма игнорирует общественную сущность личности. Личность может влиять на социальное развитие позитивно только в том случае, если она рационально познает эту социальную действительность и ее проблемы, осуществляет нравственную оценку выявленных параметров, делает выбор в системе ценностей общества и мобилизованной волей берется за утверждение в социальной действительности своего рационального проекта решения проблем. И в данном случае направления социологии по-разному подходят к делу. Кратоцентрическая социология ориентирует такую творчески активную личность в интересах социального развития, потребного различным уровням власти. Хомоцентрическая же социология – ориентирует действовать в интересах общества, общности, а также прогрессивной личности и группы.

На этом ограничимся сравнительным анализом положений персонализма и хомоцентрической социологии. При этом укажем, что в настоящее время персонализм в значительной мере утратил свое влияние. А основная ее проблематика разрабатывается феноменологией, экзистенциализмом, философской антропологией и герменевтикой (см.: Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989, с. 473). Следуя указанной логике словаря, продолжим определение места хомоцентрической социологии в системе социальных наук о личности, имея постоянно в виду, что, как указывали выше, она на уровне высшей степени научного анализа сливается с социальной философией.

Тезис второй. Для такого же краткого сравнения хомоцентрической социологии с основными положениями феноменологии приведем в начале несколько наиболее важных ее постулатов (положений).

1. Феноменологическая социология рассматривает общество как явление, созданное и постоянно воспроизводимое в духовном взаимодействии индивидов. 2. Социологи-феноменологи стремятся осмыслить социальный мир в его непосредственно личностном бытии. 3. Отрицая объективное существование социальных структур, они ставят на их место идеалистически понимаемую интерессубъективность. 4. В результате общество оказывается сведенным к представлениям об обществе, а структуры взаимодействия - к представлениям взаимодействующих субъектов о них. 5. Одним словом, феноменологическая социология интересуется тем, какой внутренний

смысл придают члены общества своему социуму, социальным действиям – их участники.

Поясним позицию хомоцентрической социологии по приведенным главным положениям феноменологической социологии.

1. Общество не может создаваться и воспроизводиться одним только духовным взаимодействием индивидов. Современные общества, как и цивилизации формировались и воспроизводятся, а иные исчезли с исторической арены в решающей степени усилиями социальных институтов (политических, экономических, государства, образовательных, семьи и т.д.) и соответствующих им социальных организаций.

2. Познание социального мира «в непосредственно личностном бытии», игнорируя надличностные социальные структуры, перечисленные выше в п. 1 – невозможно.

3. Интерсубъективность, к которой феноменологическая социология сводит социальные структуры, может возникать, градуироваться, функционировать, влиять на индивидуальную и групповую деятельность индивидов вне связи с социальной структурой не могут.

4. Сущности общества, структурных взаимодействий и представления индивидов о них далеко не идентичны. Более того, во многом они противоречат и даже противоположны. Результатом этого глубокого несоответствия указанных феноменов являются все социальные достижения, а также кризисы, революции и войны, в том числе интерличностные и моноличностные девиации и катастрофы (в том числе, ельциновского разграбления России и его таких тяжелых последствий). Как, например, занятие Россией, первого места по суициду – главному индикатору (по Дюркгейму) уровня общественного и индивидуального разложения и хронического социального заболевания общества и его структур.

5. Одним словом, хомоцентрическая социология теоретически интересуется объективным целепологанием и ценностно-нормативным смыслом социальной ситуации и практически возможностью ее позитивного изменения посредством инновационной деятельности социальных структур. Таким образом, феноменологическая социология занимается духовным миром индивидов, а хомоцентрическая социология инновационной социальной практикой актуализирующихся личностей. И, в конечном счете, социологи-феноменологи духовный мир индивидов используют для недопустимого упрощения сложнейшего социального космоса, что исключает объективное познание и практическое решение его глубоких противоречий и проблем. Хомоцентрическая социология же исследует и используют духовный мир индивидов для предоставления ИМ САМИМ реальной возможности разрешения духовных и материальных проблем. И поэтому они оба самостоятельные научные теории.

Тезис третий. Разберемся с высказанным одним из наших читателей мнением о «созвучности» нашей хомоцентрической социологии с «экзистенциальной концепцией социальной философии». Для этого в

порядке первого приближения к указанному сравнительному анализу надо отметить следующее:

когда экзистенциализм, философия существования, подчеркивает в феномене времени определяющее значение будущего в связи с человеческой деятельностью, исканием, напряжением и ожиданием, - это в определенной степени созвучно с некоторыми главными постулатами нашей теории хомоцентрической социологии. И на этом кончается «созвучие» этих двух теорий. А их различия существенны и могут быть выражены в нижеследующих наиболее важных моментах.

1. Хомоцентрической социологии чуждо *такое понимание экзистенциализмом социальной ситуации, как непреодолимой силы, из-за которой «в этом мире никто ничего не решает» и что жизнь человеческая превращается в ничто*. Главные теоретические и практические установки хомоцентрической социологии – объективное познание во всей противоречивости и неуправляемой и трагической мощи наличной социальной ситуации и на этой основе ее позитивное изменение.

2. *Положение экзистенциализма о том, что бытие может быть познано только интуитивно* недопустимо категорично для хомоцентризма. Хомоцентрическая социология в решающей степени занимается рациональным познанием бытия, естественно, используя в необходимых и возможных случаях и интуицию во имя и конкретных целей его (социального бытия) преобразования, а также оказания в ходе реализации таких задач целенаправленного влияния на соответствующие системы духовного и материального бытия.

3. Хомоцентризм в социологии не может согласиться с мнением экзистенциалистов (Миль, Ясперс) о том, что *«свободу можно обрести лишь в боге», или о том, что «свобода есть отрицательность к бытию»*. Хомоцентрическая социология опирается на отрицаемые экзистенциализмом аксиомы направления социальной мысли, трактующие свободу как возможности раскрытия природных задатков человека, самоактуализации (Маслоу) и самореализации (Ассаджиоли) личности.

4. Хомоцентрическая социология, а, следовательно, и порождаемая ею хомоцентрическая социальная философия, опровергают положения экзистенциализма (Сартр, Камю) о том, что *человек в любом случае остается одиноким, а человеческая жизнь бессмысленной, считает «прорыв одного индивида к другому, подлинное общение между ними невозможным»*. Хомоцентрическая социальная философия и социология обосновывают и организуют институты подлинного социального общения в группе, гарантирующих насыщение объединенных индивидуальных жизней прогрессивным гуманистическим смыслом. Такая возможность хомоцентрической социологии экспериментально и внедренчески успешно реализована, как об этом свидетельствует наш сорокалетний научно-практический, экспериментально-внедренческий практический опыт.

5. Экзистенциализм верно обозначил распространенный вид *«подлинного общения индивидов в бунте против «абсурдного» мира в виде экста-*

за, мятежа, разрушения, рожденного их отчаянием». Хомоцентрическая социология дает практическую возможность организации носителей «экстаза» и направления их объединенного отчаяния на преодоление собственного недовольства сложившейся социальной ситуацией путем ее целенаправленного осмысления и практического устранения определенных сторон «абсурдности» и девиантности мысле- и жизнедеятельности.

6. Экзистенциализм рассматривает *человека как духовное страдательное начало, жизнь которого рассматривается как несчастное существование, не имеющее никакой цели, как конечное в смерти.* Гуманистическая, человекоцентрическая, личностноориентированная социология направляет объединенные страдания индивидов на практическую борьбу против причин несчастий. В этой борьбе рождается бессмертие индивидов и коллективов, чьи идеи и опыт становятся бессмертными и используются с пользой последующими поколениями, другими группами и индивидами. Для таких индивидов (Аристотель, Гоббс, Наполеон, Ленин, Рузвельт и др.) и народов (древние греки, древние римляне, создатели Новгородского Вече, Шапсугская демократическая республика и др.) физическая смерть не означает их превращение в ничто. Такие и им подобные личности, общности имеют то бессмертие, которое обществу, истории и человеческой экзистенции необходимо больше, чем физическая вечность человека – социальное бессмертие.

7. Экзистенциализм ярко отобразил кризисную социальную ситуацию в современном западном мире, которому мы так завидовали. Но он не смог предложить путь выхода из этой ситуации. Экзистенциализм как идеология и экзистенциалисты как практики не предложили своей модели социальной организации и практики его внедрения в социальную реальность. Для его знаменитых представителей в социально-политическом и социально-процессуальном смысле характерно лишь присоединение к традиционным социально-политическим движениям: Сартр и Камю – к левому радикализму и экстремизму, Ясперс и Марсель – к либерализму, Хайдеггер – консерватизму. Социальная ситуация в российском, как и в абхазском обществе неизмеримо трагичнее, болезненнее, чем в западном мире. И при этом условии наша хомоцентрическая социология на основе сорокалетних теоретических поисков и практических результатов дала глобальные теоретические принципы организационные, общностные мини-модели социально-политического действия, способные при нормальном использовании обеспечить определенный реальный выход из этой ситуации на различных уровнях общества.

Тезис четвертый. Философская антропология, как учение о человеке, его сущности и природе, наиболее глубоко разрабатывалась в немецкой философии 1920-1970 гг. Из накопленного в этом направлении мировой философии обширного материала для целей нашего исследования могут быть выбраны наиболее важные ее положения. Это мы и сделаем.

Принципиальное значение для нас имеют три подхода к человеку (реализованные Шелером, Плеснером и Геленом) немецкой философской антропологией.

1. Убеждение в необходимости целостного рассмотрения человека. Следование единому принципу, который объяснял бы и органические особенности человека, и его душевно-эмоциональную сферу, и познавательные способности, и культуру, и социальность.

Из отмечаемых здесь философской антропологией человеческих проявлений, для социологии выражением всей этой совокупности является социальность. При этой верной постановке принципа философия не показала формы проявления составляющих этого принципа в социальной действительности. Кратоцентрическая социология показала, что в истории человечества до настоящего времени социальность человека крайне односторонне проявлялась в аспекте кратоцентризма. Это означает, что социальность человека, т.е. его формирование как социального, общественного существа, социализация, и последующее функционирование и развитие человека в системе социальных отношений целенаправленно осуществлялись в системе властных интенций. А эта позиция исключает возможность соблюдения приведенного философского принципа целостности в самой важной форме проявления сущности человека – социальности.

Выросшая в условиях современной цивилизации наследница властных систем прошлого человечества допускает в основном, в решающей степени формирование и использование социальности человека только по принципу «господство – подчинение». Этот отработанный тысячелетиями принцип дает любой власти возможность формировать и использовать в человеческой сущности ту часть его социальности, которая выгодна власти и необходима для ее существования в привычной и выгодной форме.

Кратоцентрическая социология занималась именно тем, чтобы помочь власти эффективно использовать эту, необходимую автократической или в той или иной степени демократической представительной власти, сторону человеческой сущности. Хомоцентрическая социология дает возможность в высшей степени демократической власти использовать возможности социальной сущности человека в системе «власть – реальное властное сотрудничество с подчиненными». Это означает, что власть к своему управлению социальными процессами подключает самоуправление управляемых. И в этом случае философский принцип целостности человеческой сущности реально учитывается и соблюдается. Как это делается, т.е. важный философский принцип реализуется социологическими методами, мы показали в своих экспериментах и внедренческих работах по созданию органов коллективного самоуправления от первичного коллектива, до регионального, общенационального, межнационального и всесоюзного.

2. Специфику человека философская антропология усматривает еще в том, что он постоянно переступает пределы наличного, дистанцируется от непосредственно данного – как во внешнем мире, так

и в своей душевной деятельности. Различаются «окружающий мир», среда, которое доступно восприятию и воздействию животного и в значительной мере связано с инстинктивностью его поведения, и «мир», «универсальное все», которое в принципе открыто постижению в деятельности человека и только человека.

Оба момента, отмеченные в приведенном положении, формировались и хорошо исследовались кратоцентрической социальной философией, кратоцентрической социологией и социальной психологией. Но эти науки до сих пор ставили себе задачей и находили ее какое-то решение лишь в целях сокращения этого дистанцирования человека от контактов с внешним миром и прикосновения к нему и в своей душевной деятельности. С этой установкой связано также и то обстоятельство, что слишком в большой степени деятельность человека остается в поле «инстинктивности его поведения», а «универсальное все», т.е. социальный мир в значительной степени становится для него отчужденным.

Философская антропология не выяснила причины, по которым приведенные нами выше ее положения складываются. Хомоцентрическая социология показывает, почему все это происходит. Прежде всего, человек переступает пределы наличного по той причине, что оно не удовлетворяет его, ибо не отвечает его созревшим и перезревшим потребностям и интересам. Но так как он не может влиять на такую ситуацию, он от нее дистанцируется. При этом дистанцируется не только в реальных отношениях и действиях, но и в своем внутреннем мире. Последнее он чаще всего делает по правилам инстинкта самосохранения. И чаще всего он остается в поле действия «инстинктивного поведения». Хомоцентрическая социология дает человеку возможность максимально приблизиться к наличной социальной ситуации, организованно вмешаться в нее в соответствии с собственными потребностями, интересами, возможностями и одновременно при этом преодолевает наличное во внутреннем мире противоречие по отношению к социальной действительности.

3. Третий подход философской антропологии к проблемам человека гласит: человек открыт миру и мир открыт человеку, так что его внутренняя жизнь не имеет врожденной отрегулированности и непосредственности, возникает разрыв («хиатус») между побуждением и действием, саморефлексия, отделение рассудочно-интеллектуального от психически-витального («духа» от «жизни»), способность взглянуть на себя «со стороны» («эксцентричность»), богатство фантазии, «неадекватные реакции» на угрожающие и неожиданные события («смех и плач») – все это взаимосвязано между собой и обуславливает невозможность односторонне «материалистического» (биофизиологического) и «идеалистического» (интеллектуально-смыслового) объяснения; ставится задача «психо-физически-нейтрального описания человека.

Как видно, философская антропология приводит указанные многочисленные и яркие аргументы для постановки задачи «психо-

физически-нейтрального описания человека». Будем считать, что эта задача включает в себя не только описание, но объяснение человека по заданным параметрам. Но и при этом философская антропология не называет значения описания (и объяснения, мы добавили) человека. А ведь еще в середине девятнадцатого века в первом тезисе о Фейербахе К. Маркс писал о том, что философы различным образом объясняли мир, когда задача состояла в том, чтобы его изменить. В этом изменении мира, социальной действительности и человека, как важнейшего его элемента философия может помочь в том случае, если покажет, как, преодолев обнаруженные им противоречия, использовать в единстве приведенные выше многочисленные и явные противоположности сущности и существования человека, личности. Но такую задачу это течение философии себе не ставило.

Вместе с тем, установленные философской антропологией противоположности и противоречия природы человека и человека в социальной природе дают возможность ярко показать возможности хомоцентрической социологии. Приведенные философско-антропологические противоречия магически «примираются» или вовсе устраняются в случае самоактуализации личности, человека путем реального выхода в систему самоорганизации и самоуправления. При наличии такой возможности устраняется разрыв между побуждением и действием, ибо он действует в соответствии со своим побуждением; «дух» и «жизнь» в этом социальном действии сливаются; человек получает возможность взглянуть со стороны, отражаясь в «зеркале» своего свободного действия в социуме и оценить стоимость своей «богатой фантазии»; он имеет четкую возможность избрать «смех» или «плач» в неожиданном событии, участником которого он стал по своей свободной воле и в соответствии со своими чувствами и разумом, интеллектом.

Тезис пятый. Герменевтика (Дильтей, Дройзен, Ранке) определяется «как искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений». Можно себе представить обширность этих «жизненных проявлений», которой занята герменевтика: от Гомера и Библии до анализируемых в настоящей разработке научных текстов и самого нашего текста. Полезно было бы и здесь подвергнуть сравнительному анализу соотношения разнообразных положений различных течений философии герменевтики и хомоцентрической социологии. Но для экономии места остановимся только на положение, которое является общим для них всех.

При всем различии вариантов философии герменевтики общими ее чертами является недоверие к непосредственным свидетельствам сознания. Например, к провозглашенному еще Рене Декартом принципу непосредственной достоверности самосознания, которая была выражено его знаменитой формулой: «Я мыслю, следовательно, существую». Декарт был одним из родоначальников «новой философии», выступившей с требованием пересмотра всей прошлой традиции. При этом в отличие от Ф. Бэкона, апеллировавшего к опыту и наблюдению, он обращался к разуму и

самосознанию. Он также был убежден в том, что на истину «...натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ».

Важно отметить, что пересмотр всей предшествовавшей им научной традиции, предложенные осуществить Бэконом на основе опыта и наблюдения, а Декарт на основе разума и самосознания, осуществлялись и должны были быть осуществлены отдельными людьми, учеными. Теперь же аналогичное требование, которое вытекает из принципов хомоцентрической социологии, тоже может быть реализовано сперва отдельной личностью, а не целым народом и даже научным сообществом. Однако инструментарий, с помощью которого Бэкон и Декарт работали – индивидуальные познавательные возможности – в наше время коренным образом изменился. Методы социологии, которыми может пользоваться тот же индивидуальный исследователь, дают возможность оперативно получить массовидные данные о состоянии и тенденциях изменения массового сознания и самосознания непосредственно от живущих в социуме людей. (Например, социологическое исследование состояния воспитания и самовоспитания учащейся молодежи Кабардино-Балкарии, проведенное в 2007 г. по нашим инструментариям и под нашим руководством охватило 16 тысяч респондентов, студентов, учащихся общеобразовательных школ, колледжей и лицеев республики. Монография, написанная нами по этим материалам представлена кафедре политологии и социологии АГУ. Очевидно, что эта монография станет нетрадиционным теоретическим и научно-практическим учебным пособием для учрежденного в АГУ сектора социологии воспитания).

Ни одна другая общественная наука и ни один иной метод не дают возможности получить подобные массовидные и «живые» знания о социальных процессах в обществе. И по этим «живым» знаниям объективно можно судить о состоянии и значении «косвенных», «фиксированных жизненных проявлений». К примеру, по фиксированным жизненным проявлениям – партийно-государственным документам развитого социализма коммунизм должен был вот-вот утвердиться в СССР. В то же время по материалам социологических исследований «живое сознание» масс показывало, что социалистическое общество идет не к коммунизму, а к своей гибели. Поэтому социология долгое время была запрещена, а когда ее резко усеченно все же узаконили, было уже поздно: властвующая элита была не в состоянии понять и использовать угрожающие живые знания, получаемые социологией. И социалистическая цивилизация погибла со своей передовой и самой человеческой идеологической основой.

В результате мы приходим к выводу, что хомоцентрическая социология обоснованно отрицает положение философии герменевтики о недоверии к непосредственным свидетельствам сознания и достоверности самосознания личности, групп и общества. Она обоснованно считает, что оценкой «косвенных» свидетельств самосознания, закрепляемых, как считает герменевтика, не в логике, а в языке общества может быть только «живые» свидетельства самосознания, получаемые методами социологии от реальных, живых людей, называемых в социологии респондентами.

Шестой тезис. Здесь по логике нашего исследования определяется место анализа теории личности философии, кратоцентрической социологии, педагогики, общей и социальной психологии, а также теорий социального и оперативного управления с позиции хомоцентризма. Проблематика шестого тезиса непосредственно выходит на практическое разрешение проблем социального воспитания и самовоспитания личности. В наших методологических и методических материалах по социологии воспитания мы главное внимание уделяем именно проблематике данного тезиса. И поэтому, естественно, этот материал настолько подробный и обширный, что мы выделяем его в отдельный теоретический и научно-практический материал – вторую часть этих материалов, подготовленных для сектора социологии воспитания кафедры политологии и социологии АГУ.

Седьмой тезис. Хомоцентрическая социология и основанная на ней социальная философия, как было отмечено выше, вносят существенные новации во всю систему общественных, гуманитарных наук. Покажем это очень коротко еще на одном примере их влияния на теорию управления социальными процессами, к которой кратоцентрическая социология сводит и теорию социального управления.

Во-первых, хомоцентрическая социология раскрыла диалектическую взаимосвязь между «ГЛОБАЛЬНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ И КОНТРОЛЕМ» в регулировании мировых социальных процессов и порожденным ими мировым антиглобалистским движением как формы «ГЛОБАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ».

Во-вторых, современная фундаментальная, кратоцентрическая социология всю сложную структуру социального управления сводит преимущественно к политическому управлению, допуская какие-то элементы учета этим же политическим управлением феномена человеческого фактора. Новая школа социологии и социальной философии обосновывают, выявляют и практически используют функцию социума прямого, самостоятельного, самоуправленческого социального и политического действия.

В-третьих, только хомоцентрическая социология могла открыть и использовать практически незамеченный до сих пор до конца феномен истинной сущности любого типа, вида управления, реализации любого вида проявления властных функций (родительской, семейной, дружеской, материальной, экономической, физического принуждения, страха наказания и смерти, политической и т.д.): БЕЗ САМОУПРАВЛЕНИЯ УПРАВЛЯЕМЫХ (КАК И БЕЗ САМОУСТРАШЕНИЯ УСТРАШАЕМЫХ, САМОПРИНУЖДЕНИЯ ПРИНУЖДАЕМЫХ И Т.Д.) УПРАВЛЕНИЯ ВООБЩЕ НЕТ. УПРАВЛЕНИЕ КАК ФУНКЦИЯ ИМЕЕТ СМЫСЛ ТОЛЬКО ПРИ УСЛОВИИ НАЛИЧИЯ ЕЕ ОСНОВЫ – ГОТОВНОСТИ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЯЕМЫХ ПОЗИТИВНО ОТВЕТИТЬ НА ЕЕ ИМПУЛЬСЫ, КОМАНДЫ. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, УПРАВЛЕНИЕ КАК ФУНКЦИЯ РЕАЛИЗУЕТСЯ ТОЛЬКО В САМОУПРАВЛЕНИИ (ВЫНУЖДЕННО ИЛИ ПО СОБСТВЕННЫМ ЖЕЛАНИЯМ) УПРАВЛЯЕМЫХ.

Далее очень коротко покажем, что хомоцентрическая социология вносит четкую ясность во многие иные, не перечисленные выше, теории и концепций, касающихся проблем человека, личности. Так, теология невозможная вне социальной организации типа христианской церкви, мусульманской или иудаистской общины. А понятие «слово божия» теряет смысл вне понятия «народа божия» как адресата (человека, личности) «слова». И решающим фактором того, что «слово» доходит до адресата являются межличностные и личные отношения относительно религии. Августин говорил: «Я не поверил бы и Евангелию, если бы меня не побуждал к этому авторитет вселенской церкви». Как видно, Хомоцентризм является главным признаком всех трех мировых религий, а также известных психологических теорий (аналитической, бихевиоризма и необихевиоризма, фрейдизма и неопрейдизма и т.д.).

Восьмой тезис. Только хомоцентрическая социология и социальная философия раскрывают истинную сущность в полном объеме главной причины гибели советской общественной системы – кризиса идеологии и практики управления и самоуправления социальными процессами. Только эти новые направления социологии и социальной философии могут объяснить и помочь изменить создающуюся в настоящее время в сфере политического и социального управления социальными процессами новой России и Абхазии кризисную ситуацию. Забвение высшим политическим руководством и всей политической системой новой России принципов хомоцентризма и ускоренное движение к абсолютистскому кратоцентризму – путь легкий, давно отработанный, но тупиковый и после того, как россияне вдохнули хоть какую-то порцию изуродованной демократии – **ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНЫЙ СВОИМ НЕИЗБЕЖНЫМ КРАХОМ И ЕЩЕ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ.** Хомоцентрическая социология может радикально помочь России и Абхазии избежать углубления развития событий в этом направлении с ее предсказуемыми негативными социальными последствиями.

Использование открытых хомоцентрической социологией факторов самоорганизации и самоуправления социальными процессами в общностях дает возможность успешно решить тупиковые проблемы политического, государственно-правового и административного управления, не поддающиеся решению на основе наличного управленческого знания и опыта, открывая теоретически и практически неисчерпаемые возможности человеческого гения. (Подробнее см.: Шанибов Ю.М. Социальная философия и разрешение глобальных проблем управления и самоуправления социальными процессами.//Вестник КБГУ. Серия гуманитарные науки. Вып. 8, 2001, с. 54-57).

Девятый тезис. И, наконец, мы вернемся к замечанию указанного выше аналитика о том, что «новизну и инновационность позиции» Шанибова Ю.М. можно сводить к значимости его «практико-внедренческой составляющей социологического анализа социальных

явлений». Мы считаем, что для такого заявления оснований нет. И вот почему.

Во-первых, как выше было показано, новизна нашей научной теоретической практической деятельности, прежде всего в том, что нами выделено, обосновано и развито самостоятельное направление в развитии социологии, т.е. заложены основы новой хомоцентрической социологической теории. Во-вторых, как это заметил и наш оппонент, наш подход имеет «практико-внедренческий» аспект в социологических исследованиях, но не только в них. В-третьих, самое главное, и сама эта теория и ее практический аспект обеспечивают реальное, позитивное, целенаправленное влияние на социальную ситуацию и посредством этого на весь социально-воспитательный процесс в системе социальной трансформации общества, ставший объектом внимания хомоцентрической социологии.

Как выше было показано, экзистенциальная социальная философия и феноменологическая социология, ни другие философии выше подвергнутые нами сравнительному анализу, не имеют ни старого, ни нового «практико-внедренческого составляющего». Такого составляющего не имеют и другие школы и направления самой ортодоксальной социологии. К данной проблеме ближе всех подходит кратоцентрическая социология. Но она занимается, как уже было отмечено, всего лишь оказанием помощи господствующим лицам и институтам в повышении эффективности их управленческой, властной деятельности, легитимизируя преимущественно спонтанную социологию правителей, руководителей. Практика кратоцентрической социологии сводится к тому, что по материалам своих конкретных исследований она дает рекомендации заказчику, руководителю, органу или организации. И далее к эффективности своих рекомендаций, внедрены они или нет, отношения не имеет.

Хомоцентрическая социология, подчеркнем это ее важнейшее своеобразие еще раз, теоретически сама обосновывает свои конкретные исследования, дает практические рекомендации на их основе и **САМА ВНЕДРЯЕТ В СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ, СТАВ РЯДОМ С УПРАВЛЕНИЕМ И ФОРМИРУЕМЫМ ИМ САМОУПРАВЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ. ПРИ ЭТОМ ПОЛНОСТЬЮ ГАРАНТИРУЕТ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СВОИХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ И РЕКОМЕНДАЦИЙ, И ЧТО ВАЖНО, ПРАКТИКО-ВНЕДРЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОСЛЕДНИХ. НАДО ПОДЧЕРКНУТЬ ЕЩЕ ОДНО ВАЖНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОТ ВНЕДРЕНЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ДОСТИГАЮТСЯ ПО СУЩЕСТВУ БЕЗ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ, ЗА СЧЕТ РАСКРЫТИЯ ВНУТРЕННИХ ТВОРЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АКТУАЛИЗИРОВАВШИХСЯ ЛИЧНОСТЕЙ И ИХ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. НИ ОДНА ИЗ**

СУЩЕСТВУЮЩИХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НОВЫХ ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ НИЧЕГО ПОДОБНОГО НЕ ПРЕДЛАГАЕТ И НЕ ДЕЛАЕТ.

Приведенные аргументы, на наш взгляд, достаточны, чтобы доказать недопустимость сведения своеобразия хомоцентрической социологии к «созвучию» с названными моим оппонентом теориями социологии и к «практико-внедренческому» аспекту в социологических исследованиях».

ДИАЛЕКТИКА ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ

Человек теперь постоянно стремится добиваться новых целей, преобразуя себя и общество.

Дмитрий Травин, Отар Маргания

Выше мы кратко изложили сущность хомоцентрической социологии, основы социологии воспитания, в соотношении с философскими теориями, наиболее конкретно занимающимися проблемой сущности бытия и деяния личности. Далее необходимо выяснить конкретно складывающиеся взаимоотношения между философией и социологией воспитания. В результате подобной аналитической работы будет в определенной степени расширены и углублены важные элементы сущности социологии воспитания.

Сравнительный анализ философии и социологии воспитания осуществляется на основе выяснения диалектики отношений философии воспитания и обосновываемой нами социологии воспитания по материалам уникальной книги К.А. Шварцман «Философия и воспитание», на которую мы ссылались в самом начале настоящего исследования. В ней дается подробный критический анализ западных немарксистских концепций воспитания. Книга была издана за два года до крушения марксистско-ленинской общественной идеологии и практики, а также основанной на них теории и практики воспитания. Удивляет в целом огульное отрицание положений западных концепций философии воспитания, осуществляемое автором. Но эту проблему мы затрагивать не будем. Но надо отметить, что при этом критика осуществляется так, что в большинстве случаев критикуемое вызывает неподдельный интерес. Также в последней главе книги наглядно показано ограниченность, схоластичность и полный отрыв от потребностей советского общества, переживающего критическую стадию своего общего кризиса, противопоставляемой западным концепциям марксистской философии воспитания. Мы также не будем затрагивать и эту проблему. Из обширного и интересного материала книги мы будем брать только те моменты, которые представляют интерес для концепции воспитания хомоцентрической социологии.

В западной философии воспитания возникла с 60-х годов XX века необходимость преодоления чисто психологического подхода и наметилась тенденция «сближения философских концепций воспитания с социологией»

(Шварцман К.А. Указ соч., с. 50). И мы с этого периода интенсивные занятия криминологией – наукой о причинах преступлений и мер их предупреждения – в роли руководителя районных прокуратур Кабарды пришли к выводу, что для полного понимания причин правонарушений и выработки действенных средств для их устранения необходим переход от криминологии к помощи и возможностям социологии. И с 1970 г., оставив юриспруденцию, стали заниматься социологией воспитания и практического поведения студентов Кабардино-Балкарского госуниверситета. И далее идеи и опыт проведенного здесь успешного социологического эксперимента тиражировались по всей стране.

Как отмечает К.А. Шварцман, понимание философией воспитания «социальной среды, ее факторов, воздействующих на поведение, зависит от характера социологической концепции, на которую опирается система воспитания» (Там же.). При этом философия воспитания, естественно, обратилась к общесоциологическим теориям, занимающимся социальным поведением почти синхронно на уровне социальной философии. И с этих верхних позиций предприняли попытки оказать социологическое влияние на практику воспитания. Конечным результатом подобного синтеза философии и социологии для решения проблем воспитания была явная неудача в решении практических проблем воспитания. Завершились усилия философии воспитания в этом направлении их уходом от проблемы. «Философия воспитания, - пришла она к выводу, - не может и не должна иметь своей целью разрешение непосредственных практических проблем», ее цель – учитывать не сущее, а должное (см.: Там же, с. 54).

Нам же, конструируя социологию воспитания, с самого начала пришлось обратиться не к теоретической, а к прикладной социологии для решения конкретных практических проблем поведения студентов, школьников, молодежи, рабочих, служащих. Не находя и здесь необходимых нам социологических концепций, методов и средств мы вынуждены были их самим создавать. Например, солидные учебники по социологии утверждали, что эксперимент в социологии не прижился. А все наши первоначальные действия по использованию социологических методов по изучению социального поведения молодежи и целенаправленному управлению им могли быть только экспериментальными. Они были и таковыми и невероятно успешными. И таким путем – снизу от практического поведения молодежи в реальной социальной ситуации, от сущего, существующего к должному и идеально необходимому – мы пришли к формированию социологии воспитания и затем на ее основе обоснованию нового направления в мировой социологии, названной нами хомоцентрической.

Можно отметить несколько моментов «использования» философией воспитания социологических теорий.

Среди философов воспитания наибольшей популярностью пользовались различные ответвления школы структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон). Ключевые понятия этой школы «адаптация», «конформность», «равновесие», по Парсонсу, были призваны обеспечить

устойчивость социальной системы в процессе общественного развития. Он считал необходимым всячески **проповедовать, разъяснять** необходимость адаптации индивидов к социальной среде путем **усвоения** личностью определенных нормативных структур, символов культуры, приобщения к современным знаниям. Парсонс отводил важную роль воспитателям – преподавателям средних и высших учебных заведений. Они могут добиться у воспитанников единства в **понимании** важности адаптационного процесса, от которого зависит их будущая роль в обществе. На основании этих идей в США была разработана специальная «Программа приспособления молодежи к жизни» (см.: Там же, с. 51). Как показывают выделенные нами выше ключевые слова, эта мощная социологическая теория философией воспитания могла быть использована, и была использована для влияния, формирования сознания и понятий воспитуемых для сохранения стабильности общества.

Для концепции воспитания хомоцентрической социологии указанная главная идея структурно-функционального анализа требуют существенного добавления в силу, прежде всего, двух обстоятельств. Первое: в России, Абхазии, и во всем постсоциалистическом пространстве задача сохранения стабильности общества подчинена цели формирования нового общества и поэтому адаптация молодежи к параметрам разрушенного общества чревата серьезными последствиями. Адаптация, например, к современному состоянию российского общества тотальной коррупции, неудержимого роста преступности, безответственности чиновничества, ненависти и жестокости в отношениях между людьми для молодежи означает путь к пропасти. Это лишает ее и народ в целом нормального будущего. И, тем не менее, в России по всем каналам воспитания среди молодежи пропагандируется **ТОЛЕРАНТНОСТЬ**, т.е. терпеливое отношение ко всему, что встречается в современном изуродованном «прихватизацией» народной собственности обществе. Второе: на этом этапе наши общества нуждаются не в приспособлении к сложившейся ситуации, а в поисках «должного», инновациях, выработке новых норм и систем социального поведения, обеспечивающего позитивное развитие, модернизацию общества. Поэтому хомоцентрическая социология ориентирует социологию воспитания **проповедовать, добиваться понимания и усвоения специфической судьбоносной задачи творческой теоретической и практической активной деятельности молодежи; добиваться единства ее мысли и действия в поисках инновационных форм социальной деятельности в целях формирования нового, основанного на непреходящих ценностях современной цивилизации, состояния межличностных отношений определенных типов и уровней, обеспечивающих глубокую демократизацию общества. Теоретическое обоснование и практическая реализация обозначенного здесь процесса следует признать основой предмета социологии воспитания.**

Отмечается также, что в 70-х годах появилось стремление выделить специальную социологическую концепцию воспитания. Интересно отметить

еще раз то обстоятельство, что в эти же годы мы интенсивно занимались экспериментальным и внедренческим обеспечением формируемой нами социологии воспитания. Специальная социология воспитания на Западе находится до сих пор на стадии становления и пока не оказывает существенного воздействия на воспитательную деятельность (см.: Там же, с. 53). Мы же за этот период накопили теоретического и научно-практического материала, достаточного для открытия сектора социологии воспитания и обеспечения его необходимым инструментарием.

В монографии К.А. Шварцман западная философия воспитания предстает как сложное структурное образование. В анализе автора она предстает в виде трех подструктур; 1) «модели», 2) основные направления и 3) основные концепции философии воспитания. Представляется, что важно нам проследить возможную позицию по указанным основным элементам философии воспитания таких же основных моментов обоснованной нами социологии воспитания.

1.«Модели» философии воспитания и отношения к ним социологии воспитания.

1.1. Наибольшей популярностью пользуются две «модели» философии воспитания. Согласно **первой «модели»**, философия воспитания – эта область знаний, которая использует в воспитательной практике идеи различных философских или философско-психологических систем (прагматизма, экзистенциализма, необихевиоризма и др.), а также некоторых социологических школ. Однако по существу, в качестве основ воспитания «эти идеи принимаются формально, часто просто путем апелляции к авторитету той или иной философской доктрины» (Шварцман К.А. Указ. соч., с. 31). И по этой причине эта «модель» не оказывает благотворного влияния на воспитательный процесс педагогики.

Эта «модель» также в снятом виде присутствует в социологии воспитания. Но как это было показано в разделе «Тезисы хомоцентрической социологии», а также в настоящем разделе социология воспитания четко берет у философских и социологических доктрин необходимые для ее целей элементы, преобразует, углубляет, расширяет их соответствующим образом и практически использует в педагогической практике. И это дает непостижимо положительный воспитательный и самовоспитательный результат.

1.2. По мнению приверженцев **«второй» модели** целью воспитания является выработка у человека способности размышлять на моральные темы. Эта «модель», как отмечают, пользуется на западе большой популярностью и оказывает благотворное влияние на воспитательный процесс. Однако эта «модель» определяет овладения логикой «языка морали» как самостоятельный процесс. А как овладевший этим языком воспитанник использует его на практике, - это сугубо его дело.

Социология воспитания дает возможность овладеть «языком морали», «языком права» и других социальных норм на опыте практического разбора реальных жизненных ситуаций, противоречий и конфликтов повседневной

жизни личности и коллектива. Следовательно, социология воспитания овладение «языками» решения проблем и использование их в практическом разрешении проблем объединяет в единый неразрывный процесс, результаты которых наглядно видят педагог-социолог и воспитанник.

1.3. Называют и «**третью модель**» философии воспитания как способ передачи культурных ценностей от одной эпохи к другой. Однако эта «модель» не учитывает то обстоятельство, что имеется определенная специфика в формировании и передаче знаний (процесс обучения) и в приобщении личности к системе ценностей (процесс воспитания). Если передача знаний требует главным образом обращение к интеллекту личности, то формирование определенной ценностной ориентации (воспитание в собственном смысле этого слова) связано с воздействием на эмоции и чувства человека, способствующие превращению тех или иных ценностных установок в его убеждение (см.: Там же, с. 35)». Таким образом, эта «модель» не указывает, каким образом даваемые воспитаннику знания могут стать импульсами, руководством к действию.

Социология воспитания по нашей системе, как отмечали, объединяет в единый процесс обучение и воспитание ценностным установкам на конкретных жизненных примерах неизбежно чувственно-эмоционально переживаемых воспитанником в момент их разбора. В главном методе воспитания социологии воспитания – реальном разрешении жизненных ситуаций практическим действием и взаимодействием – используемые знания для решения проблемы, прямо и непосредственно связаны с испытываемыми при этом чувствами и эмоциями. При таком методе воспитания знания воспитанника четко подкрепляются чувствами, а чувства соответствующими знаниями. И только знания, приобретенные и усвоенные подобным образом, становятся руководством к практическим действиям. И только такие знания эпохи могут быть переданы новым поколениям, и будут вызывать соответствующие мысли и чувства людей будущих эпох.

2. Основные направления философии воспитания и отношения к ним социологии воспитания.

Называют четыре основных направлений философии воспитания: консервативное (прагматическое), гуманистическое, иррационалистическое, сциентистско-технократическое.

2.1. *Консервативное направление* философии воспитания включает прагматическую и утилитаристскую концепции воспитания, близкие по целевым установкам и критерию оценки поведения людей. Его методологической основой является тезис Джона Дьюи, согласно которому интеллектуальные и нравственные качества личности заложены в ее уникальной природе и их проявление связано, прежде всего, с индивидуальным опытом человека. Отсюда задачу воспитания представители прагматизма видят не в формировании моральных качеств личности, а лишь в количественном росте данных ей природой качеств и способностей. Неопрагматисты считают, что к тезису Дьюи необходимо

добавить необходимость развития творческих способностей человека, требующие умелой организации деятельности людей (см.: Там же, с. 38-39).

При этом главным критерием морального поведения является рост индивидуального опыта, ведущего к успеху. Причем о характере ценностей, из которых человек исходит в своем поведении, они считают лишенным смысла. А это освобождает личность от необходимости ставить перед собой высокие общественные цели.

В социологии воспитания проблемы личностного развития и общественного прогресса неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Более того, в ситуации, переживаемой в постсоциалистическую эпоху, когда личные интересы на всех уровнях общественной лестницы возобладали над общественными, учет указанной взаимосвязи личного и общественного интереса в сфере воспитания и управления социальными процессами является решающим принципом строительства нового государства и общества, как в России, так и в Абхазии.

2.2. Гуманистическое направление в гуманизации системы воспитания видит главное средство утверждения во всех сферах жизни буржуазного общества справедливости как главного принципа отношений между людьми. Эту истину глубоко обосновали еще античная и немецкая классическая философия, и прогрессивная общественная мысль. «Справедливость, – гласит античный афоризм, – это умерение силы мудростью». «Когда справедливость исчезает, – писал И. Кант, – то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей». Или Ферран установил важную ценность социальной жизни: «Велико только то, что прочно, прочно только то, что справедливо». «Справедливость – это истина в действии» - истинно, справедливо и деятельно утверждал Б. Дизраэли.

Это направление моральное развитие личности считает следствием ее психологической способности играть основную, причем неизменную для всех этапов развития, роль в обществе – отождествлять свои интересы с интересами других и тем самым следовать принципу справедливости и гармонии как высшим критериям подлинной морали.

Хомоцентрическая социология должна обратить внимание на свое двойственное отношение к приведенному положению гуманистического направления. С одной стороны, следует признать важность и необходимость его соблюдения для любого общества. С другой стороны, приведенное положение может иметь важное практическое воспитательное значение в обществах, где наличествует высокий уровень развития. А для таких, как наше, обществ, находящихся на начальной стадии формирования, понимание и соблюдение важнейшего принципа справедливости во взаимоотношениях между людьми в решающей степени зависит не от личности, а от государства, политической системы общества, выросших из бездумного крушения всей социальной системы. Социология воспитания должна иметь в виду это решающее обстоятельство, имея дело с принципом справедливости.

2.3. Иррационалистическое направление в основном опирается на экзистенциализм. Об отношении социологии воспитания к этой философской

к концепции мы писали выше (см. «Тезис третий», с.21-24 настоящего текста). Но более подробно к проблеме мы вернемся при анализе концепций философии воспитания.

2.4. *Сциентистско-технократическое* направление отвергает самовыражение личности как главной цели воспитания, усматривая в этом одну из главных причин морального кризиса в обществе. Оно исходит из установки, что человек – существо обучаемое, что именно в процессе обучения вырабатывается все нормы его поведения. А эффективность обучения достигается внедрением в систему воспитания достижений науки и техники. Это направление автор монографии оценивает как реакционное, согласно которому воспитание подчиняется утилитарным целям. В качестве главного средства реализации воспитательной программы направления выступает жесткий контроль социальной среды с помощью механизма «подкрепления», т.е. системы поощрений или наказаний за отклонения от заданной программы.

Важно заметить тот факт, что именно это реакционное направление культивировалось в средней и высшей школе, культивируется и в настоящее время в средней и высшей школе бывшего СССР и нынешней России. В частности, функцию воспитания на словах вузам России вернули в 2002 году, а в средних школах по-прежнему господствуют старые традиции. По-видимому, такое же положение имеет место и в Абхазии. Таким образом, указанное направление, как у нас, так и на Западе под воспитание понимало социализацию личности глобальными объективными и субъективными факторам общества. Предыдущие три направления предпринимали серьезные попытки дать понятие и программу воспитания в узком, собственном смысле слова, т.е. воспитания учащихся и студентов по самостоятельной, отличной от обучения, программе и принципам. Как очень кратко показали в настоящем исследовании и более подробно в во-второй и третьей частях наших методических материалов, мы тоже в течение сорока лет решали эту проблему. И накопленный нами положительный в этом направлении опыт мы намерены внедрить в систему образования Абхазии, приспособив их к уникальной социальной ситуации, сложившейся здесь после признания ее государственной независимости.

3. Основные концепции воспитания Запада и отношении к ним нашей социологии воспитания.

3.1. Основной концепцией западной философии воспитания, легшей в основу консервативного, как отмечали, направления является влияние прагматизма на проблемы воспитания. И это влияние предстает перед исследователем в трех аспектах. Для экономии места мы не можем, как выше отмечали, подробно анализировать эти аспекты и другие концепции. Мы будем затрагивать из этого интересного и обширного материала только самые важные моменты, необходимые для углубления собственной теории социологии воспитания.

Мы возвращаемся к этим моментам для того, чтобы еще раз обратить внимание читателя на самое важное обстоятельство.

Очевидно, что преподавательский и студенческий актив сектора социологии воспитания АГУ самостоятельно или с помощью научных семинаров должны ознакомиться с этими материалами в полном объеме. И при этом иметь в виду один важный методологический принцип, которым мы руководствуемся в настоящем исследовании. Этот принцип состоит в том, что материалы, которые мы анализируем, были поданы с позиции критики теорий, концепций воспитания «загнивающего» буржуазного общества, которое, как говорим, теперь мы сами «процветающе» строим. Отсюда вытекает, что многое из того, что критикуется в этих материалах, теперь предстают перед нами в совершенно ином, а иногда в определенном смысле позитивном свете. Поэтому из материалов критического анализа западных теории воспитания мы будем брать и использовать верные, на наш взгляд, положения в связи с собственными позициями. А верность или ошибочность критических замечаний в адрес этих теорий мы затрагивать не будем.

3.1.1. Из специалистов в области философии воспитания на Западе наиболее значительной фигурой является Джон Дьюи. С его именем долгое время ассоциировалось философское обоснование прогрессивного развития системы воспитания. Именно его философская и этическая доктрины стали, как выше отмечалось, методологической основой консервативного направления в философии воспитания.

Здесь мы выскажемся по поводу нашего отношения к инструментализму Дьюи, ставшего «научным методом» западной теории воспитания.

«Глубочайшие стороны духовного строя человека определяется тем, как относится к проблемам поведения», - писал Дьюи, считая крайне важным философское осмысление социального поведения людей. Так писал Дьюи об открытой им истине в 1922 г. Естественно, независимо от него мы в 1970-1973 гг. в университете обоснованно, на материалах социологических исследований среди студенчества, пришли к выводу: *настоятельной потребностью общества и его политической, управленческой системы является поиски и нахождение инновационных методов эффективного управления поведением*. При этом мы исходили из нашего мыслительного материала и опыта относительного социального поведения. Таким образом, философия и хомоцентрическая социология воспитания полностью совпадают в своих оценках значения осмысления проблем поведения. При этом, идея Дьюи была реализована методами традиционно педагогики. Мы же дали новый, инновационный метод решения той же проблемы.

Философию Дьюи широко понимал *«как общую теорию воспитания, цель которой – реконструкция или реорганизация опыта, усиливающая способность направлять ход последующего опыта»*. Таковую же общую роль призвана выполнять концепция социализации общетеоретической социологии. В дополнение к ней наша социология воспитания надо рассматривать как *частную теорию организации и проведения общественно-политической, общественно-этической и общественно-*

правовой практики реконструкции, реорганизации и организации поведенческого опыта, дающая возможность исправлять тенденции девиации (отклонения) и позитивно направлять ход последующего опыта.

Философия воспитания у Дьюи выступает «как средство возобновления, продолжения социальной жизни». Для чего считает необходимым «разъяснять людям идеи, касающихся как моральных, так и социальных конфликтов повседневной жизни, и тем самым, по мере возможности, стать органом разрешения этих конфликтов». С позиции философии Дьюи верно ставит эту важную проблему. Практический результат он ожидает оттого, что люди, поняв с помощью философов воспитания сущность возникающих в повседневной жизни проблем, получают возможность их разрешать. При этом философы воспитания становятся своеобразным «органом», «инструментом» разрешения этих конфликтов. Социология воспитания решает точно такие же задачи. Но она это делает более рационально, за более короткие сроки и гарантированно эффективно. *Социология воспитания создает в структуре социальной жизни общности новое институциональное образование в среде самих воспитуемых, которое в ходе практического исследования и публичного разбора конфликтного (противоречивого) случая оценивает причины явления, приводит девиантное поведение в соответствие с нарушенной моральной, правовой и т.д. нормой и практически тут же разрешает конфликт. Здесь необходимо отметить, что по аналогии с названием метода Дьюи «инструментализмом», наш метод должен быть назван «институциональным». Ибо, если идеи и установки Дьюи становятся инструментами воспитателей, пользующихся философией воспитания, то наши идеи и установки становятся средствами, инструментами новой социальной организации, нового социального института. У Дьюи расстояние между идеей и его практическим осуществлением может быть продолжительным. В социологии воспитания это расстояние между мыслью и действием практически отсутствует – организаторы нового института управления поведением одновременно «мысля – действуют» и «действуя – мыслят».*

Дьюи подвергал резкой критике господствовавшие в США формальные методы обучения и воспитания, всю структуру средней и высшей школы с характерной для нее оторванностью от жизни. Наряду с другими буржуазными реформаторами он выступал за создание научной системы воспитания, опирающейся на применение «научного метода» к вопросам морали. Как известно, прагматизм умоляет значение научной теории. *Согласно Дьюи, метод и средства важнее цели и результатов действий людей. Наука имеет дело с конкретными ситуациями или конкретным опытом, поэтому ее законы лишены общей значимости, они не более чем рабочие гипотезы или инструменты, используемые в опыте. «Теория – это теория практики ... конструкция действия в мысли»(там же, с. 56). Она предлагает ряд подходов, ряд орудий, из которых человек должен*

какие-то предпочтеть при решении возникшей задачи. Но опираться в своем выборе он должен на личный опыт, на свой интерес, намерение. Приведенный выделенным текстом аспект научного метода Дьюи советский автор монографии по западной философии воспитания оценивает как часть волонтаризма американского философа. На самом деле Дьюи совершенно прав. Он стоит на позиции, что социальные изменения на любой ситуации, стадии функционирования общества (возникновении, развитии или угасания) имеет объективно бифуркацию, ветвление возможных путей дальнейшего движения.

И тогда только от человека, точнее, политического руководства общества зависит выбор направления дальнейшего движения. Например, Китай и СССР имели идентичные вызовы истории, угрожающие наличному состоянию общества. При этом Дэн Сяо Пин в Китае избрал путь глубокого экономического реформирования общества и развитие, как форма выхода из кризиса. В СССР Б. Ельцин выбрал путь дальнейшего окончательного разрушения социалистического общества и уничтожения СССР. При этом, очевидно, что каждый из этих личностей руководствовался, как указывает Дьюи, личным опытом, своими интересами и намерениями. Дэн Сяо Пин сам отказался от власти в интересах решения проблем Китая. По этому избранному одним человеком пути Китай превратился во-вторую мировую державу и успешно идет к первенству. Ельцин так жаждал власти, что принес в жертву своему намерению дорваться до власти интересы 400-летней русской империи и после трех лет «демократического правления» объявил себя «Царем Борисом». Этот путь превратил бывшую вторую мировую державу СССР в Россию – в одну из развивающихся стран третьего мира. Так, Ельцин и его предательская команда похоронили в нашей стране все исторические «объективные закономерности», которые по утверждению советских философов неизбежно вели человечество к коммунизму.

Аналогичная ситуация в настоящее время сложилась в Кабарде и Абхазии. Обе страны нуждаются в модернизации общества и системы воспитания новых поколений как важнейшей части этой модернизации. Кабарда отказалась, например, от эффективного опыта создания инновационного института воспитания молодежи и по-прежнему делает ставку на отжившие свой век формальные методы воспитания. А Абхазия, посчитав, что этот кабардинский опыт инновационного воспитания ей будет полезен и его надо использовать, создала при кафедре политологии и социологии АГУ сектор социологии воспитания, для которого мы трудимся над настоящей и другими научными разработками. В этих случаях, как и в любом другом, вектор движения общества и его подсистем – к процветанию или саморазрушению – в ситуации кризиса, вызова выбирает руководство общества или данной его сферы, а не «объективные исторические закономерности».

С позиций приведенного выше представления о «научной теории», сводимой к «орудиям», необходимым для решения практических задач, Дьюи подходит и к пониманию морали, призванной служить основой теории

воспитания. По его мнению, новизна обоснованной им системы этики состоит в том, что она строится на основе связи с фактами, требующих критического направления суждений. *«Подобно тому, - пишет он, - как физическая наука привела к организации физического мира, а также к организации практических навыков обращения с этим миром, этическая теория вызовет организацию мира общественных явлений и соответствующую организацию психических привычек, с помощью которых личность связывает себя с этим миром»* (Там же, с. 58). Приведенные идеи Дьюи советский аналитик упрекает в том, что он не включает в мораль и ее теорию каких-либо устойчивых норм, связанных с интересами определенных классов. Критик не замечает, что этическая теория, процессуальная, «инструментальная» сторона которой здесь изложена, может быть использована любым классом. В то же время, без использования этого «инструмента» - этической теории никакой класс или социальная группа не может создавать свой «мир общественных явлений» и иметь необходимые связи с ним, не будет знать как создаются другие такие же миры и как с ними обращаться.

Отрицать верность приведенных идей Дьюи невозможно. Их необходимо осмыслить и творчески «привязать» к ситуации, проблемы которой в области воспитания мы намерены решить. Для этих целей приведем, как советует Дьюи, несколько критических суждений.

Во-первых, отметим, что (например, в России и, особенно, в Кабарде) имеем все основания быть недовольными состоянием экономики (строится на основе нещадной эксплуатации природных ресурсов, дотации многих регионов), политической сферы (преступность в обществе растет, а части разросшихся до невероятных размеров силовых органов – в частности, милиция - сами стали настолько разросшимися элементами преступного мира, что факты их преступных деяний больше не могут скрывать), моральных взаимоотношений в обществе (понятия чести, справедливости, верности слову, порядочности и т.д. стали пережитками прошлого, а беззастенчивость, хамство, жестокость, безразличие и т.д. процветают). Чтобы изменить эти «миры общественных явлений», надо понять, как они формировались, что с ними происходит, и что с ними делать. На все эти вопросы можно отвечать с помощью формулы Дьюи. Нас убеждают, что все эти приведенные выше проблемы можно и надо решить с помощью развития экономики. Дьюи же показывает, что в решении всех человеческих проблем первостепенную роль играет моральное воспитание, следовательно, и перевоспитание. И надо с ним согласиться.

Во-вторых, нам приятно отметить, что приведенная формула Дьюи, являющееся механизмом формирования «мира общественных явлений», поданная автором в состоянии, что она «вызовет» формирование необходимого мира, наша социология воспитания своим опытом переводит в состояние «вызывает». Наша моральная система, основанная на свободной самоорганизации, самодеятельности и самоуправлении в процессе использования в практической деятельности органа общественного

самоуправления *одновременно* создает необходимый, потребный в данной ситуации мира явлений и вырабатывает у участников процесса «психические привычки» связи с этим миром, Так что, у нас формула Дьюи работает.

Дьюи прав, доказывая, что, *прежде чем принять решение, человек должен разобраться в конкретной ситуации. Он считает, что добро и зло лишены статуса общих понятий, они уникальны для каждой ситуации. Определение поступков, явлений как добро или зло зависит только от критического суждения человека о данной ситуации, от того, какой выбор он считает нужным совершить в конкретном случае, не следуя при этом каким-либо общим закономерностям. Главное, что характеризует суть выбора, - это возможность, отождествляемая с желательностью.* Наш аналитик по поводу приведенного положения Дьюи заявляет, что он по произволу заменяет понятие исторической закономерности, необходимости понятием возможности (там же, с. 59).

Любой нормальный представитель советской марксистско-ленинской философии, как мы уже отмечали, все процессы общественного развития выводил из «исторической закономерности, необходимости». Он не понимал, что закономерностью этой «исторической закономерности» было предоставление реальной действительностью не одного линейного выбора, а определенной суммы очевидных и завуалированных выборов. Однако ни личность, ни общность в советском обществе не могли совершить свободного выбора из этой суммы. Более того, выбор заранее был предопределен, несмотря на то, что он был, очевидно, самым неудачным. Только желательность, как это доказывает Дьюи, мог быть решающим критерием выбора из этих возможностей, а не доведенная до абсурда «историческая закономерность». Желательность - главный критерий выбора отдельной личностью оценки поступка, добра или зла в проблематичной, противоречивой, конфликтной ситуации. И этот принцип в особенности успешно работает в условиях, когда личность этот выбор делает в ходе коллективной дискуссии, диалога, ведущих к принятию коллективного решения по этому поводу. В таком случае желательность личности на фоне желательности всех участников ситуации становится выбором более реальной возможности, которая предоставляется в данном случае или таковым оценивается участниками коллективного решения.

При первом варианте выбора по правилам «исторической необходимости» любое ошибочное решение считается верным, необходимым. И при очевидности ошибочности оценки, она пересмотру не подлежит – не будет соответствовать исторической необходимости! По правилам второго выбора, по Дьюи, верность выбора заранее не очевидна, выбор вариативен. А при обнаружении его ошибочности подлежит легкому исправлению – как не соответствующий интересам, желаниям и намерениям личности или других участников социального процесса. Точно так работали органы общественного самоуправления, которые нами создавались во многих трудовых коллективах и в различных сферах общественной жизни.

Данный, более подробный, чем мы изложили, критический анализ философии воспитания Дьюи относительно связи внутреннего мира личности с ее внешним поведением советский критик завершает выводами, которые не вытекают из материалов Дьюи. Он заключает, что, по Дьюи, перед человеком «лишь ситуация и заключенные в ней возможности, одной из которых он оказывает предпочтение согласно своим желаниям и интересам» ... в зависимости «от его психического состояния» (там же, с. 60). Таким образом, по Дьюи, якобы поведение личности является продуктом только ее собственного «Я».

3.1.2. Однако критикующий Дьюи наш автор сама приводит положения Дьюи о том, что выбор поведения личности социально обусловлен. **«Наше поведение, - пишет Дьюи, - социально обусловлено, независимо от того, признаем ли мы это или нет»** (там же, с. 61). Далее он доказывает, что **добро и зло для человека заложены в наличной ситуации и выбор в ней зависит от характера его взаимодействий с окружением. Чтобы улучшить это взаимодействие, надо изменить систему воспитания – его цель, средства, характер институтов, осуществляющих воспитание. А определить, в каком направлении должно происходить это изменение, можно лишь на основе анализа «модуса жизни», который сложился у индивидов в результате взаимодействия с другими людьми в определенной культурной среде.** Приведенные положения об истоках и главной цели теории воспитания Дьюи, на наш взгляд, полностью обоснованы. Не имея понятия о философии Дьюи, мы в собственных поисках средств улучшения воспитания шли по описанному выше пути Дьюи с 1970 г. Мы кратко указали об этом в разделе настоящей разработки «Из истории вопросов проблемы». Более подробно описали этот путь во второй и третьей частях наших методических разработок. А четвертая часть этих материалов – «Социологическая диагностика состояния воспитания в системе образования КБР» – полностью посвящена социологическому исследованию и «анализу «модуса (от лат. modus – мера, способ) жизни» 16 тысяч учащихся и студентов республики. Именно из подобных материалов мы извлекли направления изменения системы воспитания, какое влияние наша позиция может оказать на систему воспитания, какие новые институты при этом могут возникнуть по идеям и с участием социологии. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что идеи и технология повышения эффективности воспитания, установленные социологией в Кабарде, оказались востребованными во многих регионах страны от Нальчика до Мурманска и Улан - _Удэ. И это имело место по той причине, на которую ссылается Дьюи: воспитание в определенной культурной среде многочисленных, разбросанных друг от друга на тысячи километров учащихся и студентов, которые активно поддержали новые идеи воспитания и самовоспитания молодежи. И на основании этого опыта мы убеждены в том, что и молодежь свободной Абхазии поддержит указанный опыт. Таким образом, приведенные положения американца Дьюи работало и у нас, и будет работать и сейчас!

Главной идеей и высшей целью системы воспитания Дьюи является *улучшение с ее помощью социальной среды, изменение типа общества без революционных потрясений. «Школа может создать в проекте такой тип общества, который нам хотелось бы осуществить. Влияя на умы в этом направлении, мы постепенно изменили бы и характер взрослого общества»* (там же, с. 61). Для России, Кабарды, Абхазии и всех стран, которым предстоит модернизировать свое государство и общество, приведенное положение учения Дьюи является судьбоносной. Обеспечение развития общества путем внедрения в средней и высшей школе новой системы воспитания, конечно, потребует больше времени, чем оперативные политические и организационные мероприятия. Однако школа даст без конфликтов и потрясений радикальные результаты по рациональной перестройке общества и его социальной среды, личностной базы. Поэтому в теоретических материалах и практических мероприятиях сектора социологии воспитания мы должны ставить себе именно подобную цель. И достижение такой цели вполне возможно.

Об этой возможности - что позитивные явления в школе (университете) может «изменить и характер взрослого общества» - свидетельствует опыт распространения влияния институционального творчества студентов Кабардино-Балкарского госуниверситета им. Х.М. Бербекова на характер деятельности «взрослого общества» Северного Кавказа и страны в целом. Дьюи в приведенной выше цитате предсказывает, что идеи новой системы воспитания **ВЛИЯЯ НА УМЫ, ПОСТЕПЕННО ИЗМЕНИЛИ БЫ И ХАРАКТЕР ВЗРОСЛОГО ОБЩЕСТВА**. Предположения Дьюи о возможности такого развития влияния школы на общество оправдались – американцы использовали его идеи для совершенствования процесса воспитания в школе и затем всего общества. Наличие и использование подобных теории воспитания и их успешное использование сотворили современное процветающее американское общество и на его основе мировую сверхдержаву, империю.

И МЫ РАСПОЛАГАЕМ ЯРКИМ ОПЫТОМ, НЕ ПОСТЕПЕННОГО А БЫСТРОГО И БУРНОГО ВЛИЯНИЯ ОПЫТА УНИВЕРСИТЕТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ВЗРОСЛЫЙ МИР. Этот опыт общественного самоуправления студентов КБГУ, охватив после университета школы, колледжи, профтехучилища во многих регионах страны, был внедрен в сфере промышленного производства (в Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, образующий город Тырныауз, и описание процесса внедрения самоуправления в комбинате приводится в книге Ю. Шанибова «Управление и самоуправление трудового коллектива: практика перестройки и ее проблемы», экземпляры которого имеются на кафедре политологии и социологии АГУ; в производственное объединение «Пятигорсксельмаш им. С.М. Кирова» - один из самых крупных предприятий Ставрополя, десяти тысячный коллектив; в Терском заводе алмазного инструмента, описанное в монографии «Социальные проблемы трудового коллектива: исследование, экспериментирование, прогнозирование, планирование»,

приобретенного библиотекой Конгресса США), затем в процесс организации национально-демократических движений. Так идеи и технология организации студенческого самоуправления стали основой создания национальных общественно-политических движений («Адыгэ Хасэ» и Кабардинский Конгресс, под руководством маршала юстиции России великого Юрия Калмыкова), межнациональных таких же движений (Ассамблея и затем Конфедерация народов Кавказа), и, наконец, Ассоциации 47 малочисленных народов СССР, главными организаторами которой были представители абхазской научно-политической элиты. При этом надо отметить, что этот опыт накапливался и использовался лишь локально и эпизодически. Для широкого использования опыта на Северном Кавказе пока нет необходимых политических условий. Такие условия имеются пока только в свободной и независимой Абхазии.

В воспитании Дьюи видит средство развития демократии в широком смысле. *«Демократия, - пишет он, - это более, нежели форма правления, это, прежде всего форма совместной жизни людей, их общего опыта. Увеличение числа индивидов, разделяющих положение, что каждый должен сочетать свои действия с интересами других, ведет к ломке классовых, расовых, национальных барьеров, мешающих людям понять подлинное значение своей деятельности»* (там же, с. 62). *Демократия для Дьюи – это форма развития общества, при которой человек имеет шанс стать личностью. Демократия предполагает тот стиль жизни, который обеспечивает удовлетворение различных интересов людей и свободное общение между социальными группами, что, в свою очередь, должно привести к широкому развитию свободной человеческой коммуникации. Но отсюда следует, что развитие каждой личности невозможно без расширения общего опыта, демократических форм правления. Такое общество должно иметь систему воспитания, направленную против элитаризма, способную обеспечить каждой личности возможность использовать накопленный опыт, развивать свои качества и способности, гарантирующие плодотворное участие каждого человека в делах управления.* Эти жемчужины мыслительного материала великого Дьюи не нуждаются в комментариях. Они имеют непреходящее значение для всех стран и народов, которые перестраивают или строят новое общество, формируют новый облик новых поколений. К своему удовлетворению к данному положению Дьюи мы добавим, что созданные по нашей методологии новые институты самоуправления молодежи создавали в ее среде, в мире ее «общественных явлений» именно такую ситуацию, которая выше описана идеями великого философа педагогики, теории воспитания самоутверждающейся личности. Такую же ситуацию в молодежных коллективах Абхазии будут создавать общественно-политические органы самоуправления молодежи, которые вскоре будут созданы сектором социологии воспитания кафедры политологии и социологии АГУ в Абхазии. А демократические традиции, которые первоначально сложатся в среде молодежи, распространятся быстро

на все абхазское общество. И, мы верим, этот будущий абхазский опыт будут изучаться народами Северного Кавказа и очень пригодится им в будущем! Тогда наши идеи и основанный на них опыт, развитые и углубленные возвратятся на ареал своего возникновения – в Кабарду, Адыгею, Черкессию!

Дьюи обозначил, а американское общество использовало, главные направления развития личности.

Главное для человека, подчеркивает Дьюи, *это сам процесс его развития, понимаемый как рост, как количественное накопление тех качеств, которые присущи ему на любой стадии жизни. Однако, чтобы определить качество жизни, необходим критерий роста. Таким главным критерием целью воспитания является - обеспечение роста человека в практической сфере, роста его опыта, развитие прежде всего практического ума. Суть воспитания – в реконструкции опыта, которая определяет направление для дальнейшего развития опыта.* Наш опыт гарантирует именно развитие указанного Дьюи качества личности – ускоренное и всестороннее приобретение участниками создаваемых нами организаций практического опыта в ходе разрешения реальных, практических проблем и развитие практического ума на этой основе. В ходе практического участия в решении проблем наш воспитуемый одновременно, на одном пространстве получает возможность проследить, участвовать активно, по своему усмотрению меняя сферы «модуса жизни», в различных позициях – обнаружения проблемы, ее анализа и составления проекта ее разрешения, сбора информации, классификации и анализа информации, подведение результатов под определенные традиционные, моральные, правовые, организационные нормы, публичного отстаивания своей позиции перед жюри общественного мнения, участия в принятии решения и реализации этого решения. В этом молодежном минигосударстве каждый его участник по существу практически соприкасается, осваивая умом и чувственно-эмоционально, со всеми основными элементами общественно-политического процесса, которыми в глобальных масштабах занимаются органы государства, власти и управления, и он получает определенные практические навыки для успешного сотрудничества с последними. При этом подвергается радикальной реконструкции спонтанно полученный опыт и приобретает новый, основанный на реальных, практических действиях по решению конкретных проблем. Путь по Дьюи от формирования сознания, ума к практическому действию длинен. Наш путь одновременного формирования сознания, ума, рассудительности и связанного с ними практического опыта – короток. Наши главные цели и задачи совпадают, и каждый из нас их решает своими способами и методами. В отличие от американцев нам надо спешить! И наш метод дает такую возможность!

Второй важной стороной воспитания Дьюи считает *развитие у человека способности к управлению своими действиями и контролю за ними в противоположность активной деятельности, направляемой внешними силами, а также в противоположность бесполезной рутинной деятельности, основанной на навыках. Задача воспитания –*

пробуждение внутренней активности личности, направленной на достижение цели. Высшей ценностью в воспитании является самодетерминация поведения. Внутренняя активность воспитания является одновременно и целью и средством воспитания. Цели воспитания личности не могут быть заданы никем, кроме нее самой: хорошая цель – та, которая исходит от самих воспитуемых. Но при этом совпадает с требованиями извне и заключает в себе предпосылки для конструирования тех поведенческих установок, которые соответствуют демократическому обществу. И в данном случае позиции западной философии воспитания и нашей социологии воспитания в вопросах самодетерминации поведения полностью совпадают. Вместе с тем, Дьюи в изложенных выше истинах убеждал воспитателей, чтобы они ими воспользовались. Мы же по этим же принципам полностью формировали новые социальные институты воспитания на основе самовоспитания, и деятельность этих институтов строилась именно по этим принципам: активы наших органов самоуправления без вмешательства извне сами формировали свои оргструктуры, ставили перед ними сами цели, и на основе внутренней активности находили и устанавливали поведенческие установки, обеспечивая их совпадение с поставленными проблемами демократизации общества. Все это мы будем делать среди студентов в ходе разворачивания деятельности сектора социологии воспитания кафедры политологии и социологии АГУ.

И, наконец, по данной группе проблем затронем еще один вопрос, на который Дьюи обращал большое внимание. *Обостренное внимание он уделял трудовому воспитанию в школе средней и высшей. Он призывал в процессе обучения разрушить барьер между трудом и досугом, приблизить всю систему образования к жизни воспитуемых. Обращая внимание на необходимость отказаться в процессе обучения от академичности, голых абстракций, он предлагал на первом месте в учебном плане ставить то, что является самым существенным для жизни, то есть все, что имеет отношение к опыту.* С радостью и гордостью можно отметить, что приведенное положение Дьюи на постсоветском пространстве аналогичным образом впервые будет использовано в АГУ. По инициативе кафедры политологии и социологии ректорат АГУ принял решение, что реализация инновационного метода воспитания сектора социологии кафедры (организация труда студентов по получению опыта руководить, управлять и подчиняться, ставить проблемы и решать их, ошибаться и исправлять ошибки т.д.) включается в учебный план университета и его мероприятия заносятся в учебное расписание студентов АГУ!

3.1.3. Философия воспитания Дьюи, которая оказывала решающее влияние на систему воспитания в сфере образования США с начала XX века, в 70 – годы была несколько модернизирована неопрагматистами. В результате усилиями А. Маслоу, А. Комбса, К. Роджерса а и др. возникла неопрагматистская концепция воспитания самоутверждающейся личности.

Вслед за Дьюи неопрагматисты считают, что задатки, способности, таланты личности носят врожденный характер, что основа ее творческого начала заложена в глубинах человеческого Я. Более того, стремление личности к самоуправлению считается врожденным. Поэтому, как отмечает Маслоу, природа человека документальная и, как правило, не поддается существенным изменениям. Система воспитания призвана выявить суть врожденной природы человека и опираться на нее. Задача высших и средних учебных заведений состоит в том, чтобы помочь самоактуализации личности (реализация способностей и талантов человека), уделять больше внимания раскрытию и формированию уникального опыта учащихся (см.: Леонтьев Д.А. Развитие идей самоактуализации в работах А. Маслоу. – «Вопросы психологии», 1987, № 3).

Неопрагматисты придают решающее значение лишь самооценке поведения личности, исключая его оценку со стороны других людей, общества. А. Комбс утверждает, что для формирования поведения личности важнее всего выяснить, как она смотрит на себя и на окружающий мир. Из этой установки К. Роджерс в уникальной книге «Клиент-центрированная психотерапия», - М., 2002, где из 218 использованной и цитируемой автором источников нет ни одного перевода на русский язык, в главе «Обучение, центрированное на учащихся» приводит принципы использования педагогом элементов самооценки учащегося. К этим «*принципам с позиции конторского тренинга в социологии относятся:*

= *первоочередной задачей учителя должно стать понимание, а не оценивание личности;*

= *в процессе преподавания учитель должен ставить во главу угла не собственные проблемы и чувства, а ученика;*

= *учителю следует понимать, что конструктивное усилие должно исходить из положительных или активных сил самого ученика (Роджерс К. Указ. соч., с. 365)».*

И далее сам Роджерс обозначил цель демократического образования, призванного «*помочь ученикам стать личностями,*

= *способными предпринимать самостоятельные действия и отвечать за них;*

= *способными на разумный выбор и самоконтроль;*

= *способными к критическому мышлению, позволяющему оценивать мнения других;*

= *обладающими подходящими для решения проблем знаниями;*

= *способными, что важнее всего, к гибкой и разумной адаптации к новым проблемным ситуациям;*

= *усвоившими адаптивную форму к проблемам со свободным творческим использованием всего существующего опыта;*

= *способными к эффективному сотрудничеству с другими в различных видах деятельности;*

= работающих не ради одобрения окружающих, а ради достижения целей, полезных для общества» (там же, с.367).

Роджерс отмечает, что в системе западной культуры указанными целями руководствуются мало педагогов, а многие им будут сопротивляться. Ибо *«метод работы в наших средних школах, колледжах, университетах и учреждениях по специальной подготовке представляют собой весьма очевидную демонстрацию того, что система образования преследует совершенно иную цель: это выпускник, способный воспроизвести определенный информационный материал, обладающий навыками выполнения определенных предписанных интеллектуальных операций, а также способный воспроизвести взгляды своего учителя (там же, с. 368)».* Очевидно, что и российская (и абхазская) школа остаются в поле действия трех перечисленных ценностей, при котором наибольшее внимание уделяется первой ценности – способности получения, закрепления и воспроизведения определенного информационного материала (знаний обязательных учебных дисциплин). А что касается семи перечисленных роджерсовских ценностей обучения и воспитания учащихся, то и наша школа не имеет никаких о них понятий и, если их и получит, не в состоянии их понять и следовать им – наши педагоги сами в системе подобных ценностей не обучены и не воспитаны, они это «не проходили».

Как видно из всего изложенного смысла и содержания нашей социологии воспитания, все приведенные методы действия педагогов и преследуемые ими цели системы Комбса-Роджерса полностью реализуются ее методом создания инновационного института самоуправления молодежи.

К изложенным положениям, восходящим к школе Дьюи «воспитание деланием» возможно присоединение еще одной школы, также в основном стоящей на позиции экзистенциализма. Речь идет о малоизвестной в нашей стране школе психосинтеза Роберто Ассаджиоли (см.: Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.). Он основатель психотерапевтического направления воспитания и самовоспитания, в книге которого излагаются фундаментальные основы психосинтеза личности, черты и особенности представлений о личности, возможности и ограничения личностного роста, богатейший набор терапевтических техник, которые могут быть использованы в процессе аутопсихосинтеза, формирования педагогами, воспитуемыми, родителями своего психического и поведенческого мира.

Р. Ассаджиоли дает определение «основного недуга» человечества и дает технологию его лечения. *«В нашей повседневной жизни нас ограничивают и сковывают тысячи разных явлений, - характеризует Ассаджиоли этот недуг, - которые нередко нами самими и порождаются. Мы становимся жертвами иллюзий и фантомов, рабами неосознанных комплексов, мы шарахаемся из стороны в сторону под воздействием внешних влияний, нас ослепляет и гипнотизирует обманчивая внешность вещей. Поэтому нет ничего удивительного в том факте, что человек, будучи в таком состоянии, часто испытывает чувство*

неудовлетворенности, неуверенности, что его настроения, мысли и действия переменчивы. Интуитивно чувствуя себя «единым целым», а между тем постоянно обнаруживая в себе внутренний «раскол», он приходит в замешательство и не может понять ни себя, ни других. Не удивительно, что, не зная и не понимая себя, человек не может руководить собой и постоянно возвращается в кругу собственных ошибок и слабостей; поэтому столь многим людям жизнь не удалась или была омрачена телесными и душевными болезнями, отравлена сомнениями, разочарованием и отчаянием. Не удивительно, что человек в своем слепом и страстном поиске свободы и удовлетворения иногда яростно восстает против порядка вещей, а иногда пытается приглушить боль, с головой окунувшись в жизнь, полной лихорадочной активности, бурных эмоций и безрассудных приключений (Ассаджиоли Р. Указ. соч., с. 32-33)».

И Ассаджиоли в своей книге на 416 страницах (возможно и здесь уместно сказать о том, что среди библиографии книги, насчитывающей 171 название, нет ни одного источника на русском языке) разворачивает свою захватывающую теорию и потрясающий практический опыт освобождения личности от этого рабства. Это освобождение дает возможность достижения внутренней гармонии, истинной самореализации и правильных отношений с другими людьми и самим собой. Принципы и техники психосинтеза Ассаджиоли мы использовали среди студентов Центра социальных исследований им. В.К. Тлостанова КБГУ. Не только мы, но сами студенты убедились, что решение задачи, описанной Ассаджиоли как главный недуг человечества, присущий в той или иной степени всем особенно в ситуации коренных трансформаций социальных параметров, вполне возможно. Мы убеждены в том, что использование теории и техники Ассаджиоли в мероприятиях сектора социологии воспитания АГУ будут продолжены и гарантируют определенный успех.

Читателю должно быть известно, что раздел относительно сравнительного анализа положений западной философии воспитания и нашей социологии воспитания в первом варианте настоящей разработки отсутствовал. Причиной тому было то обстоятельство, что с материалами теории воспитания Дж. Дьюи и его последователей мы не были знакомы. После предоставления по электронной почте кафедре политологии и социологии АГУ того первого варианта настоящей методички в феврале 2010 г., мы в начале марта 2010 г. приступили к изложенному здесь сравнительному анализу основных положений философии и социологии воспитания. К нашему удовлетворению этот сравнительный анализ показал, что логика подлинного научного исследования способны привести в совершенно различных социальных ситуациях и различных обществах к идентичным результатам. В «Капитале» К. Маркс писал, что тот, кто будет пользоваться его методологией, придет к тем же результатам, к которым он сам пришел. В наших исследованиях с Дьюи и нами подтвердилось правдивость этого предсказания. Как заметил читатель, в подавляющем большинстве случаев, положения теории воспитания Дьюи на уровне

социальной философии наглядно подтверждалось фактами их практической реализации средствами организации нашей социологией воспитания практической социальной деятельности студенчества, молодежи и взрослых.

Анализу материалов Дьюи и связанных непосредственно с ним авторов мы уделили больше внимания по той причине, что, на наш взгляд, в ситуации, переживаемой Россией, Кабардой и Абхазией, именно творчество великого классика американской философии воспитания имеет теоретическое и практическое значение. Поэтому на этот раз мы воздержимся от анализа других концепций воспитания (новогуманистические, экзистенциалистские, необихевиористские), отложив такую полезную работу на более поздние времена.

При этом необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что проведенный нами сравнительный анализ творчества Дж. Дьюи был осуществлен по материалам, изложенным в критической монографии К.А. Шварцман. Следовало бы вернуться к этому анализу на основе трудов самого знаменитого философа воспитания. Но мы пока не располагаем такой возможностью. Труды Дьюи в России издавали в начале XX века, самом начале его научных изысканий. Эти публикации в настоящее время достать невозможно. Так, труды философа были изданы: Психология и педагогика мышления. – М., 1915; Введение в философию воспитания. – М., 1921; Школа будущего. – М., 1922; Школа и общество. – М., 1925. В советском энциклопедическом словаре Дьюи были посвящены четыре предложения, в которых утверждалось, что он отрицал объективность истины и был «идеологом «американского образа жизни» (Сов. энцикл. словарь. – М.; 1989, с. 423). И до 1989 г. – даты издания монографии К.А. Шварцман – СССР, Россия больше труды Дьюи не издают и наша педагогика его игнорирует. Теперь же, когда мы находимся на первоначальной стадии «строительства капитализма» работы классика западной философии воспитания представляют для нас практический интерес. И этот интерес не только философско-педагогический. В этом заинтересована и социология воспитания, как это стало видно в результате нашего сравнительного анализа.

При этом важно отметить еще один важный исторический факт. Философия воспитания и прикладная, практическая, индустриальная социология возникли в США одновременно. Как видно, свою философию воспитания Дьюи интенсивно развивал в начале и первой четверти XX века. В это же время, начиная с знаменитых Хортонских экспериментов, проведенного Э. Мэйо в 1920 г. и последующие годы, в США бурно стала развиваться область прикладной социологии, получившая название «теории человеческих отношений». Как видно, философия воспитания и социология человеческих отношений одновременно обратились к проблемам роли человеческого фактора в социальном – учебно-воспитательном, производственном - поведении личности. И нам надо делать то же самое.

Для осуществления этого сложного и важного процесса первоначально необходимо формирование хотя бы в порядке первого приближения

механизма решения извечной проблемы самопознания личности, одновременно и общества. У входа в храм Дельфийского оракула в Древней Греции висело воззвание: «Познай самого себя!». При этом и на этот раз невольно приходит на память высказывание великого французского энциклопедиста Дени Дидро: «Сколько людей умерло, сколько еще умрет, так и не узнав, кем они были!». Таким образом, личность и этнос, нация и народ могут знать, кто они есть и кем они могут стать только при условии наличия у них способности к самопознанию и самореализации. А это возможно в свою очередь только при конструировании принятых обществом и его социальными институтами к практическому использованию новой системы взаимодействия логики своих новых идей и деяний, а также формирования научно-практической идеологии перестраиваемого или вновь создаваемого общества. И далее переходим к освещению приведенных двух важнейших проблем.

ЛОГИКА ИДЕЙ И ДЕЯНИЙ ПОЗНАЮЩЕГО, ВОЗРОЖДАЮЩЕГО И РАЗВИВАЮЩЕГО СЕБЯ ЭТНОСА

Движение к модернизации охватило сегодня весь мир. В частности, элиты большинства немодернизированных обществ воспринимают важнейшие ценности современности, в основном ценности, касающиеся экономического развития, образования, политической независимости и некоторых форм «демократии».

Талкотт Парсонс

Перед интеллектуальной и правящей элитой любого этноса проблемы совершенствования воспитания и обучения подрастающего поколения предстает как важная часть модернизации общества и государства. И в свою очередь программа модернизации нуждается в национальной идеологии. Остановимся на этих двух проблемах. И сделаем это по материалам, разработанным нами на фоне общероссийской ситуации для абхазского общества. В ходе подачи этого материала мы его в какой-то степени «чистим» от очевидных элементов, которые не представляют пока по нашим предположениям интереса для Абхазии, оставляя те положения, которые, на наш взгляд, могут быть полезными для осмысления по аналогии и социальные процессы в Абхазии. Кроме того, подавая этот материал, мы настаиваем на истине, что **совершенствование системы воспитания общества может быть успешным только в том случае, если оно является органической частью модернизации всего общественного организма.**

1. Общие контуры проблемы и программы модернизации общества

1.1. АКТИУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА К РАЗРЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА

С конца ушедшего в историю XX века по настоящее время российское общество переживает системный кризис, которым охвачены все его социальные сферы, региональные и национальные области. Этот кризис был подготовлен и «сотворен» в соответствии с выявленным А. Тойнби постижением мировой истории в двенадцати томах законом уничтожения цивилизации ее лидерами, небольшой группой политиков, находящихся на вершине власти в СССР и готовых принести в жертву могучую четырехсотлетнюю русскую империю своим целям установления очередной собственной авторитарной власти, «прихватизирования», т.е. разграбления огромных материальных богатств многострадальной страны.

Безумие этого акта усугубляется еще и тем, что русская элита уничтожила свою вторую мировую державу в угоду своего главного врага, тратившего сотни миллиардов долларов на борьбу с ней. «Говорят, когда, наконец, 25 декабря 1991 г. Горбачев подписал собственный указ о сложении с себя полномочий Президента СССР, - пишет проф. В. Сироткин, - сделав об этом заявление в телевизионном эфире, а на флагштоке Кремля в 19 час. 38 мин. был спущен красный флаг СССР и поднят российский «триколор», «царь Борис» и его «спичрайтеры» тут же напились до поросычьего визга прямо в кремлевском кабинете Президента РСФСР. При этом «слабак» (не умеющий наравне с шефом пить спиртное – Ю.Ш.) Бурбулис ... якобы воздевал руки к небу и время от времени кричал: «Борис Николаевич! Теперь над нами никого нет – только Господь Бог!».

«Серый кардинал», разумеется, лукавил. Уж кто-кто, а он-то хорошо знал, что Ельцин из Беловежской пущи 7 декабря 1991 г. звонил этому «богу» - Президенту США Джорджу Бушу-старшему, прося санкции на развал СССР и образование СНГ. ... Позднее, разругавшись с «царем Борисом», его ближайшие соратники ... в один голос утверждали: без этого «добро» из Вашингтона Ельцин никогда бы не осмелился свалить Горбачева и развалить СССР» (Сироткин В.Г. Кто обворовал Россию? – М.: Алгоритм, 2003, с. 168). Такие российские лидеры и таким образом сами уничтожили советско-российскую субцивилизацию и поставили под угрозой существование Российской цивилизации, одновременно похоронив тем самым и формировавшуюся мировую социалистическую цивилизацию. В результате вторая мировая держава стала сырьевым придатком Западных стран, ее богатства присвоил американский доллар, 93% населения оказались за чертой бедности, а инфляция выросла в 2500 раз и т.д.

Здесь уместно привести оценку известного международного эксперта по российским делам политики, которую проводили ельциновцы. «Я вижу, - пишет в 1997 г. Дж. Къеза – что проводившийся в России до сих пор (с 1991 по 1997 г. – Ю.Ш.) курс губителен для всех ценностей, существовавших и существующих в этой стране, для культуры, духовности, науки и ее мировой роли как государства. Мне как другу России жалко, что она может потерять все эти присущие ей достоинства, а как представителя Запада меня волнуют последующие нарушения равновесия и огромный вакуум в мире – следствие

разрушения и распада России» (Къеза Дж. Прощай, Россия! / Перев. с итал. – М.: ТОО «Гея», 1997, с. 4).

Чтобы отвлечь внимание русского народа от своего исторического предательства в результате развала СССР, который его приемник В.Путин назвал «великой трагедией», Ельцину и его команде срочно понадобилась «небольшая победоносная война». К этому времени определенные силы, было уже подготовили, кем заменить объявленного Ельциным другом России ее главного геополитического противника – «лица кавказской национальности». И естественно, Ельцин, и его подручные организовали такую войну на Северном Кавказе (сперва в Чечне), которая затем переросла в серию таких войн. Некоторые аналитики допускают, что подобные события могут иметь место и в будущем.

Возможно, вероятнее другой прогноз, в соответствии с которым, подобные войны в России могут быть отсрочены или вовсе исключены. Для этого есть веские причины. О главном из них пишет уже через восемь лет в 2005 г. член Европарламента мэтр европейской журналистики Дж. Къеза, которого мы выше цитировали. «У меня складывается впечатление, - пишет он, - что мы должны приготовиться к большим сюрпризам, потому что Путин ...понял главное: Соединенные Штаты сыграли с Россией двойную игру, прикидываясь друзьями в то же время, копая яму под ее ногами. Он, как и многие другие, слишком поздно спохватился, когда беда уже случилась. Но он все-таки это понял. И начал действовать самостоятельно, больше не согласуя свои действия с Вашингтоном. Его идея состояла в том, чтобы вновь по-тихому поставить на ноги некоторые элементы имперского прошлого своей страны» (Къеза Дж. Война империй. Восток-Запад. Раздел сфер влияния / Перевод с итал. Н.Мироновой. – М.: Эксмо, 2006, с. 143-144).

Дж. Къеза оказался провидцем, предсказав за два года сюрпризы В.Путина в мае 2007 г., которые он преподнес миру во время своего выступления в Мюнхене и последовавшими резкими отпорами американской военной экспансии в Восточную Европу путем попыток размещения военных объектов в Чехии и Польше. Здесь все же настораживает явные действия В.Путина по восстановлению «по-тихому» многих, отвергнутых народами России, элементов царской империи. А империя – это всегда война. Но все же есть надежда в том, что будущий наследник В.Путина согласится с восстановлением реального и открытого источника опасности для России – американской мировой империи, а не народы Северного Кавказа. Если это оправдается (есть для КБР важные симптомы реальности такой надежды – поддержка Российским политическим центром празднования 450-летия вхождения Кабарды в состав России и 50-летие Кабардино-Балкарского госуниверситета и т.д.) политическая ситуация в регионе резко изменится к лучшему.

Инспирированные политическим Центром России кризисные явления наиболее остро проявились в национальных республиках Северо-Кавказского региона. В данном регионе центром проявления кризисных явлений поочередно становились Чечня, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия,

Карачаево-Черкесия. В 2006-2007 гг. антикавказские силы перенесли центр своей деструктивной деятельности на Адыгею. И можно с определенной долей уверенности ожидать, что, если указанное выше обстоятельство не повлияет, то разжигаемый огонь межэтнических противоречий в последней северокавказской республике, где еще не было социального взрыва, в ближайшие годы эти силы превратят в пожар.

К середине первого десятилетия нового века центр тяжести экономических и социальных противоречий перемещается в Кабардино-Балкарскую республику. Однако это перемещение российские и местные политики всячески скрывают, замалчивают. Более того, мощное наступление волны опасных противоречий в республике, подавление самой многочисленной в регионе (за исключением Чечни) милицией протестных действий населения голословно ими пропагандируется как признаки стабильности и процветания. Наконец, федеральный Центр (в лице представителя президента РФ по ЮФО) к концу десятилетия публично объявляет истину – КБР по уровню жизни занимает предпоследнее (88) место среди субъектов федерации. Однако, провозглашение давно известной истины не имеет никаких положительных последствий. Задействованный мощными объективными и субъективными силами процесс углубляется и завершается трагическими событиями октября 2005 г. в Нальчике.

Общественность заметила то важное обстоятельство, что трагедия развернулась менее чем через двадцать дней после смены главы республики и появления реальных возможностей позитивного изменения социальной ситуации, ведущей к тяжелым осложнениям. И связано было это со сменой президента КБР. Однако творцы социального взрыва не хотели его остановить. А новая ситуация, творимая новым президентом, могла сорвать столь длительно и с громадными материальными затратами подготовленный социальный взрыв. Поэтому они спешили. При этом организаторы восстания части верующих молодых мусульман не только завершали запланированный могучими силами план дальнейшего разложения и самоликвидации кабардино-балкарского общества. Они наносили также упреждающий удар по будущей новой власти республики, с целью настроить и ее на продолжение социально-политических и экономических тенденций, налаженных подлежащим уходу режимом.

Третьей важной задачей спешного спровоцирования силовыми органами КБР неподготовленного восстания, естественно, была цель достижение сохранности сложившейся за последние 15 лет милицейско-политической системы КБР и недопущения смены этой системы.

Все три указанные главные причины октябрьских событий в Нальчике взаимосвязаны. Среди них наиболее важной является третья проблема – сохранения старым чиновничьим аппаратом своих должностей и власти. При этом условии этот аппарат поучит возможность сохранить сложившиеся традиции по отношению власти к обществу в целях продолжения его рабского подчинения себе и помешает формированию в обществе гражданского, демократического состояния. А такое стагнирующее,

разлагающееся общество не будет в состоянии спросить с этого аппарата ответственности за разграбления республики и доведения ее населения до худшего в России состояния нищеты и бесправия.

Поддерживающие этот чиновничий аппарат могучие внешние силы понимают, что такое общество, передаваемое из поколения в поколение наследниками этого аппарата, неизбежно обречено на быстрое исчезновение. Для достижения подобной глобальной цели эти внешние силы его и поддерживают, стимулируют и снабжают всем необходимым. Но сам этот аппарат в своем большинстве по своему убожеству этого понять не может. А те из них, понимающие, к чему все это приводит и приведет, тоже в своем большинстве ради своих должностей и больших погон, сохранения награбленного народного богатства и возможности далее продолжать грабить свой народ, готовы к любому объему кровопускания, доведенному до рабского состояния обществу. И только очень немногие из последней категории старого чиновничества, в состоянии понять суть происходящего, выйти из преступной игры и подключиться к борьбе за сохранение своего народа и решения его тяжелых проблем.

По всем указанным направлениям в республике произошли позитивные изменения. Однако при этом за исключением самого верхнего слоя чиновничий аппарат себя сохранил. Разграбившие республику национальные деятели наслаждаются своим преступным богатством и продолжают грабеж. Поэтому возникает важный вопрос: каков истинный характер социальных процессов в республике, и как на них влияют позитивные перемены и старые народные и управленческие традиции недалекого прошлого? На этот вопрос могут быть разные ответы. Различные категории указанного выше консервативного чиновничества имеют по этому поводу свои готовые мнения. Но инициаторам и организаторам модернизации нашего общества и его основных параметров нужна иная информация. Она должна быть объективной и пригодной для позитивного влияния на социальные процессы.

Один из главных принципов (аксиом) социологии управления гласит: управлять можно только такими процессами, которые поддаются измерению. Социальные процессы поддаются такому измерению. И единственным орудием познания общества и процессов в нем, дающим живую текущую информацию о состоянии и динамике социальных процессов является социология. Только она способна дать совокупную и живую, информацию, непосредственно отражающую параметры тут же текущих социальных процессов. Только она способна помочь лидеру преодолеть управленческий капкан, который неизбежно лидер сам себе ставит из-за наличия у него только ограниченной, ущербной социальной информации.

А этот непостижимый для авторитарного чиновника «социально-управленческий капкан», куда лидер сам себя загоняет, до обидного открыто лежит на поверхности кризисного управленческого опыта. Традиционно политический лидер непосредственно общается с тремя десятками полностью им же подобранных и поэтому полностью зависимых и

послушных высших чиновников, полунепосредственно – с несколькими сотнями нижних чинов и их преданного окружения, опосредованно (через прессу, телевидение, отчеты, жалобы и заявления и т.д.) он «общается» с тысячами граждан своего города, района, региона. Однако на его социальной территории взаимодействуют десятки, сотни тысяч, а то и миллионы. Без социологии у него нет и быть не может достоверной информации от такого огромного количества людей. У него нет также потребности иметь от этого контингента информацию. Ибо указанное выше удобное, и приятное в силу его беспрекословной поддержки общение с чиновничьим кругом для политического руководителя становится рьятно-привычно достаточным.

Таким образом, политический лидер, руководитель больших общностей попадает в свой собственный капкан, смертельно опасный как для него, так и для управляемой им социальной общности, большой группы людей. Лидер незаметно и неожиданно для себя сам ПОДПАДАЕТ ПОД ГИПНОЗ, которым он воздействовал на свой ближайший чиновничий аппарат. Гипнотическое воздействие на подчиненных служащих ущербного, не достоверного, не объективного мнения лидера, внушаемого авторитетом авторитарной, властной зависимости бумерангом возвращается к нему самому.

Теперь он сам себя загипнотизировал и стал неотвратимо верить в свою исключительность и полную зависимость управляемого социума от его мнения. Чужое мнение, не совпадающее с его мнением, его не интересует, наоборот, раздражает и тех, кто настаивает на существование иного мнения, убирает из своего круга общения. Свое мнение он считает мнением массы зависимых от него людей. Так у него окончательно наступает социальная слепота – угасание его самосознания. Одновременно эта слепота навязывается и передается и основной массе людей и в результате угасает общественное, социальное самосознание. Очень давно Библия возвестила истину: если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму. Наступление такой социальной ситуации свидетельствует о всеобщем помутнении рассудка. «С ума сходят не только отдельные люди, но иногда целые слои населения и даже отдельные народы» (Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия: публицистика 1991-1995 гг. – М., 1996, с. 41).

Очевидно, что по указанной выше схеме шло разложение кабардино-балкарской субцивилизации. И в результате взаимодействия такого ведущего и такого же ведомого наша республика «упала» в самую глубокую яму общесоветской и общероссийской катастрофы.

Поэтому обращение нашего заказчика исследования к методам социологии означает пробуждение у него современного уровня интеллектуального мышления, чувства политической ответственности и первоначальных демократических установок.

Благодаря настоящей заявке собран невиданный в истории социологии богатый научно-практический материал, который может стать началом глубокого познания происходящих в республике сложных и тревожных социальных процессов. Здесь же необходимо приведенные выше

характеристики сложившейся в КБР социальной ситуации до октябрьских (2005 г.) и после событий дополнить общесоциологическими обстоятельствами, в силу и на фоне которых события в республике имели место.

Проблемы, которые возникли, и решает на современном этапе кабардино-балкарское общество, и трудности, возникающие на этом пути, порождены процессами, возникшими в результате крушения мира социализма и гибели советской цивилизации. Естественно, специфика истории республики вносит яркое своеобразие в разрешение ею всеобщих проблем постсоветского пространства. И, к сожалению, это своеобразие до последнего времени было наихудшего типа.

А гибель советской цивилизации в свою очередь является органической частью мировых процессов на современном этапе истории. Общие закономерности возникновения, борьбы и гибели цивилизаций разработаны в трудах известных специалистов в области философии и социологии истории (к примеру, Фараби, Ибн-Рушда, Ибн-Халдуна, Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, Л. Гумилева, И. Левверстайна, Е.Б. Рашковского, Г. Дерлугяна, Б. Кононенко и др.). В аспекте интересов нашего исследования из этих трудов можно извлечь определенную логическую конструкцию, полезную для более глубокого осознания проблем, с которыми мы сталкиваемся.

Одновременно с хорошо известной марксистской общественно-экономической формационной методологией анализа общественного развития в науке развивался и метод цивилизационного подхода исследования истории мировых культур и обществ. Этим методом в порядке первого приближения мы пользуемся в настоящем исследовании.

Здесь нам необходимо сделать экскурс вглубь веков и заметить времена и мыслителей, которые первыми в истории поняли и осмыслили развитие человечества в фазах возникновения, развития и исчезновения обществ. Как заметил читатель, когда выше мы перечисляли исследователей, заложивших основу цивилизационного подхода к анализу истории мы первыми назвали великих мусульманских мыслителей. Эти имена мало, что говорит интеллектуалам, получившим высшее образование в российских университетах, где изучается только западная философия, социология, культура и далеко не все могут понять, почему эти имена оказались впереди великих европейцев. Между тем мусульманская философия, истории, культура нас должны интересовать в аспекте нашего исследования, в центре которого находится, прежде всего, ислам.

Названным мусульманским мыслителям принадлежит первенство в разработке подхода философов, социологов и историков «к человеческому обществу как такому сложному целому, который находится в постоянном изменении и развитии», принимая во внимание изменения «в положении наций и народов, к коим приводит различие времен и эпох» (Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока 9-14 вв. – М., 1961, с. 32). Развивая прогрессивные тенденции учений Фараби, Ибн-Рушда

и других, Ибн-Халдун заложил основы цивилизационного подхода к постижению истории, которые впоследствии углублены и развиты через 500 лет европейскими мыслителями. Интересно заметить и такой интересный факт, что Ибн-Халдун был верховным судьей (кадием) султана Египта Баркука из черкесских мамлюков с 1382 по 1400 г. (См.: Там же, с.557-558). Современным черкесам, адыгам, должно быть, приятно знать, что их великий соплеменник Баркук, правитель Египта, великий полководец, разгромил непобедимого Тамерлана (который, кстати, было, пленил Ибн-Халдуна и предлагал ему высокий чин, от которого великий философ уклонился и бежал в Египет) у стен Дамаска и спас арабскую цивилизацию. Но он был не только великим султаном и полководцем. К тому же он имел такие знания и такой высоты интеллект, что понял, оценил, поддержал Ибн-Халдуна (под давлением придворных мракобесов философ шесть раз увольнялся от должности кадия и шесть раз Баркук его восстанавливал!) и возвысил, дал ему возможность творить, действовать и войти навеки в историю.

Во «Введении» главного труда Ибн-Халдуна «Книга назиданий и сборник начала и сообщения о днях арабов, персов и берберов и современных им обладателей высшей власти» доказывал, что положение мира и народов, обычаи и взгляды последних не существуют в одном и том же виде, в неизменном состоянии. Напротив, с течением времени происходят постоянные перемены, постоянные превращения одного состояния в другое (см.: там же, с. 561). Царства, как и люди, доказывает он, имеют свою собственную жизнь. Они растут, достигая зрелости, а потом начинают идти к упадку. Эти явления естественны, и ничто им не может помешать (см.: там же, с. 573-575). Знающие одно важное положение марксизма-ленинизма интеллектуалы будут поражены другим утверждением великого араба, единомышленника и друга великого султана-черкеса. Ибн-Халдун неоднократно подчеркивает, что общественные явления подчиняются определенным законам, которые, будучи менее абсолютными и более сложными, чем законы, управляющие природными явлениями, не теряют от этого своего постоянства. Поразительно и другое. Для арабского мыслителя законы общества стоят выше индивидуальной воли той или иной личности, однако (вот это непостижимо! – Ю.Ш.) «не имеют ничего общего с «божественным промыслом» теологов». Он отрицает наличие какого-либо вмешательства сверхъестественных сил в развитие человеческого общества. Основу социальных явлений Ибн-Халдун находит не в божественном предопределении и не в индивидуальной психологии той или иной личности, а в материальной жизни общества. А эта идея, высказанная в 14 веке, стала через 500 лет основой марксовского материалистического понимания истории!

К чему бы ни прикасалась мысль этого великого человека, поражает ее глубина, опережение веков, непреходящее значение ее направленности и практичности. Поражают глубина его анализа проблем обучения и воспитания подрастающего поколения. «Все способности связаны с материей, - писал Ибн-Халдун, - все равно, связаны ли они с телом или с

мозгом, например, такие, как способность мыслить или как способность считать. **Для обучения в каждой области науки или ремесла важно, чтобы были известные своими знаниями учителя, кои почитаются населением каждой страны и членами каждого племени (выделено нами – Ю.Ш)».** (Там же, с. 618). Как раз таких учителей, педагогов у нас до обидного мало, а в большинстве мест их вообще и нет...

В новейшее время греко-римское, античное и средневековое арабское постижение истории общественными мерками дополнилось цивилизационным измерением всемирной истории. Цивилизация (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) трактуется как синоним определенного уровня развития материальной и духовной культуры, глобальный этап развития общества, определяемого, прежде всего, уровнем развития личности. В отличие от формационного подхода, отражающего историю передовых западных обществ на основе экономического развития, цивилизационная теория подключает к научному анализу историю и других обществ в сопоставлении и сравнении посредством их человеческого измерения. Кроме того, по мнению А.Тойнби, история должна быть не летописью судеб государств и народов, а описанием «круговорота», т.е. зарождения, расцвета и гибели мировых цивилизаций. И в этом плане нас интересует корни и перспективы адыгской, черкесской цивилизации. События октября 2005 г. были результатом мышления, и деяния именно части адыгской, кабардинской молодежи. Из 100 погибших участников восстания только 6 человек были балкарцами. Поэтому необходимо выяснить какими цивилизационными признаками обладают кабардинцы и балкарцы, каковы их корни и перспективы развития или угасания в будущем.

Один из величайших историков, философов истории XX века Арнольд Дж. Тойнби на основе глубокого двенадцатитомного сравнительного исследования 21 цивилизации всемирной истории свидетельствует: «Есть основание предположить, что именно хетты-колонисты преуспели в организации заморских поселений и впоследствии получили на своей новой, итальянской родине новое имя – «этруски» (Тойнби А.Дж. Постигание истории. Перевод с англ. – М.; 1991, с. 69). Здесь речь идет об исторических событиях XIV-XIII вв. до нашей эры. И далее, продолжая развитие темы, великий философ всемирной истории углубляет верность своего предположения анализом языковых подтверждений своей теории. «Население Малой Азии, - свидетельствует он, - хеттской эпохи говорило, насколько известно, на пяти языках, не считая аккадского (языка дипломатии и государственного управления) и шумерского (языка культуры, уже вытесняемого аккадским); неиндоевропейских хаттском и хурритском и индоевропейском несийском (собственно хеттском), палайском и лувийском» (Тойнби А.Дж. Там же, с. 680). А Кавказоведение давно доказало, что языки коренных народов Северного Кавказа (адыго-черкесский, дагестанские, нахский (чеченский, ингушский) и т.д.) за исключением пришедших на Кавказ народов, носителей тюркского, нагайского языка (карачаевцы,

балкарцы, ногайцы, кумыки и др.) производны от родственных хеттского (хаттского) и хурритского языков.

Миллионы черкесов во всем мире интенсивно пользуются понятием «ХЭТ» - чуть трансформированный древнеисторический «ХАТТ». В любое время и в любом месте адыги, черкесы неизбежно пользуются этим понятием. Например, незнакомого спрашивают: «Уэ ухэт?» - «Ты хатт?»; «Уэ хэтхэ уарей?» - «Ты хатский человек?»; «Хэтхэ ущыла?» - «У хаттов был?»; «Хэт уи гъусэр?» - «С тобой был хат?» и т.д. За исключением специалистов-историков массы населения не помнит исторический смысл этого термина. Также веками и сегодня из поколения в поколение адыгская молодежь получает призыв-совет – «Хъейт жегъэ!э!» - «Добейся, чтобы о тебе сказали, что ты ХЕТТ!». Истинный смысл этого призыва массы тоже потеряли. Но каждый при этом понимает, что речь идет о чем-то величественном, достойном поведении.

Эти ясные в истории вопросы умышленно запутывают карачаево-балкарские авторы. Поэтому историческое и практическое значение имеет разграничение цивилизационных корней кабардино-черкесов и карачаево-балкарцев.

Языковые следы веков - это неопровержимые свидетельства генетических связей явлений истории народов, остающиеся и после крушения их старой цивилизации и строительстве новой. Такие следы явно присутствуют на Кавказе. В истории нет примера, чтобы изолированный от всех остальных народ сам сотворил язык, на котором разговаривают многие народы. По этому неопровержимому признаку этот народ, кем он себя не называл, является членом семьи народов данного языка. Нет также случаев, чтобы какой-либо народ имевший собственный исторический язык, будучи изолированным от какого-то другого народа, вдруг по своему волшебному хотению заговорил на языке этого народа. И это второе обстоятельство также неопровержимо свидетельствует о том, что выдающий себя за другого явно принадлежит к этой этноязыковой семье. Этих двух признаков вполне достаточно для признания вымыслом утверждения карачаево-балкарских авторов о принадлежности карачаевцев и балкарцев к ираноязычным аланам, хеттскоязычным этрускам. Не только по языку, но по собственной истории они принадлежат к ногайцам. Этот факт был доказан 185 лет назад первым и самым авторитетным историком народов Северного Кавказа Семеном Броневским в изданном в 1823 г. глубоком исследовании «Кавказцы» (см. раздел книги «Ногайские колена, живущие между Горскими народами по ту

сторону Терека, Малки и Кубани», переизданной без указания даты ИПКП «Адыгея», 352700, Майкоп, Пионерская, 268).

Так, приведем один из важных выводов С.Броневского относительно этнической принадлежности балкарцев и карачаевцев. Так, он пишет, когда Малкары, Чегемы и Карачаевцы, «сии три колена поселились в теперешних местах, неизвестно ... потому что в наших летописях и Архивах именование Балкар или Малкар нигде не встречается. Еще другой повод побуждает к сему заключению: что все новопоселенные на Кавказ Нагайцы сохранили древние свои названия по коленам; **Вместо того Малкары, Чегемы и Карачаевцы переменили прежние свои названия, приняв настоящий по урочищам, и до такой степени сблизилась с образом жизни своих соседей, что язык только отличает их от Горских коренных народов: ибо все три колена говорят Татарским языком, подходящим к ногайскому наречию, что долженствует служить достаточным доказательством однородного их происхождения с Нагайцами** (выделено нами – Ю.Ш.)» (С.Броневский. Указ. работа, с. 220-221).

Профессор социологии Чикагского университета (США), известный в мире специалист в области изучения цивилизаций, экономик и исторических систем Г. Дерлугьян, с которым читателя познакомили выше, с высоты знания истории цивилизаций и мировых общественных систем ставит интересный вопрос относительно нынешнего местопребывания карачаево-балкарского языка. «Разумеется, - пишет он, - балкарский язык относится к Кипчакской семье Тюркской языковой группы. **Это загадка – каким образом язык средневековых степных кочевников проник в высокогорные местности ...**» (Цит. по: Г. Дерлугьян. Неизвестный единомышленник Бурдые на Кавказе. – в книге: Ю.М. Шанибов. Идеи и деяния, с. 289). Чтобы решить эту загадку, профессору надо бы хорошо знать двух авторов Василия Потто и Семена Броневского. Эти авторы доказали, что карачаевцы и горские (балкарские, татарские) общества Кабарды это Нагайцы, бежавшие от междоусобицы различных нагайских колен Юга России и спрятавшиеся в неприступных горах Кавказа за спинами черкесов, адыгов.

Поэтому карачаевцы и балкарцы должны искать свои этнические территории в кипчакских, нагайских степях, а для анализа архетипа карачаево-балкарцев надо обращаться не к истории хаттов, хеттов, этрусков, алан, римлян. Им для этого надо обращаться к истории, традициям, обычаям тюрков, ногайцев, к которым они принадлежат и сегодня по происхождению и языку. Такие же изменения произошли и в судьбах других народов Кавказа.

Так, сваны и мингрелы под давлением грузин перестали быть теми народами, каковыми они были многие века. Теперь молодые поколения этих народов до 16 лет именуют себя сванами и мингрелами. А после получения паспорта – они уже грузины. А для 172 народов СССР был изобретен понятие «советский народ» - «единая интернациональная общность советских людей».

Иногда непостижимы зигзаги истории народов, но у них всех есть общие черты. «Вместо монотонной картины, - писал О.Шпенглер, - линейнообразной всемирной истории..., я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они привязаны на всем протяжении своего существования ..., и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желанья, чувствования и, наконец, своя собственная смерть» (Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993., Т.1. С. 56). Эти характеристики, естественно, распространяются и на историю, культуру России, частью которой мы являемся. И как выше было показано, некоторые народы в силу ложных расчетов улучшить свою природу и историю по собственной воле обрекают себя на противоестественную смерть своей истинной сущности.

Специалисты приводят сложные схемы периодизации цивилизации в России. Из трех вариантов подобных трактовок наиболее объективной, по-видимому, является третья точка зрения. Она обосновывает Российскую («Евразийскую») цивилизацию и выделяет в качестве субцивилизации «Московское царство» и «Литовскую Русь», «Императорскую Россию» и «СССР». «После распада СССР, - отмечает В.Кононенко, - начался новый этап субцивилизационного развития России» (В.И. Кононенко. Цивилизации в России // Большой толковый словарь по культурологии. – М.: ВЕЧЕ-АСТ, 2003, с. 464). Очевидно, что в советской цивилизации (СССР) были в свою очередь немало субцивилизаций, которое В. Кононенко не затрагивает. Народы союзных республик имели свои родные цивилизации и советские на них наслоения. Субцивилизации (в переводе с латыни – подцивилизации) в России имеют национальные республики и национальные округа. Следовательно, цивилизационное измерение, как было показано выше, имеет и кабардино-балкарское общество.

В классической культурологии цивилизацию и культуру считают двумя различными способами реализации творческих сил человека. При этом преобладает мнение, считающее цивилизацию завершающей, технологической и «безбожной» стадией в развитии культуры, этапом ее умирания. «Современная культурология понятие цивилизация связывает общественный прогресс с человеком, его разумом и чувством справедливости. Цивилизация – это такое общество и такое его состояние, при котором человек ставит под свой контроль те силы природы и общества,

которые грозят его гибели, и стремится приумножить те силы, которые можно использовать для процветания каждого человека и всего общества» (Кононенко В.И. Указ. раб., с. 468). Перед творческим меньшинством, лидерами и элитой России и ее субъектов, в том числе и Кабардино-Балкарии, стоит острая задача: перевести субцивилизационный процесс из «этапа умирания» в этап развития и процветания личности, социальных групп и общества в целом. Если нам удастся срочно перевести стрелки цивилизационного времени с угасания на пробуждение, с умирания на возрождение, с системного кризиса на ускоренное развитие, то будем иметь будущее в третьем тысячелетии, если же нет – нам гарантировано ускоренное исчезновение.

Преимущественно стихийное развитие общества при социализме, когда субъекты управления социальными процессами не осознавали (!) ход его направленности, привело советскую и социалистическую цивилизацию к краху. В свою очередь это глобальное крушение общественной системы окончательно отдало социальные процессы в России глобальной стихии. Объявленное при этом политическим центром строительство капитализма стало очередной утопией, о которой говорили в первые три-четыре года правления Ельцина. Затем сам главный организатор губительной стихии объявил себя «царем Борисом». Его наследник не дал никаких моделей общественного развития России. В своих посланиях парламенту РФ он ставил конкретные задачи и в какой-то степени их выполнял.

Таким же образом действует и новый президент КБР. А между тем в мире накоплены достаточно эффективные методы преодоления, во многом аналогичных нашим, кризисных ситуаций. Напомним хотя бы экономическое чудо, совершенное два десятилетия тому назад по программе модернизации Турции ее бывшего президента Тургута Озала. Кстати, один из десяти разработчиков этой программы перевода Турции из системы госкапитализма в систему рыночной экономики, выпускник Гарварда турецкий кабардинец Саади Думан, вернулся на историческую родину и имеет квартиру в Нальчике. А проблемы, которые Турция решила почти один к одному схожи с российскими. Вместо того, чтобы обратиться к этому опыту, разорители Россия предприняли бредовые попытки «использования» опыта США. И этот «опыт» оформлялся чикагским экономистом Джеффри Саксом в виде 600 проектов Указов, решений для Ельцина. Первый президент России их получал по факсу и подписывал. А радикальные реформаторы превращали их в очередную программу разграбления России.

Политический фактор, который призван сотворить порядок и стабильность из цивилизационного хаоса, прежде всего, ставит себе целью обеспечить развитие зависимого от него социума. Однако при отсутствии общей программы, модели цели, он плохо себе представляет смысл и значение, эффективность и результаты своих действий. Он заранее не знает, что развитие бывает восходящее и нисходящее, от внешнего к внутреннему и от внутреннего к внешнему, от старого к новому и от нового к старому, от простого к сложному и от сложного к простому, от низшего к высшему и от

высшего к низшему, от случайного к необходимости и от необходимости к случайному, от регрессивного к прогрессивному и от прогрессивного к регрессивному и т.д. При таком необозримом множестве видов социальных процессов и таком же количестве векторов их движения и изменения, правящая элита не в состоянии путем проб и ошибок реально предвидеть последствия большинства своих действий. Поэтому такой простой, но примитивный путь является фактором, усложняющим кризис, а не разрешающим. При этом политико-экономическая история имеет оправдавший себя метод выхода из сложного положения. И этим методом является МОДЕРНИЗАЦИЯ, пораженного кризисом общества. И надо иметь в виду то обстоятельство, что поставленная и исследуемая нами проблема органически привязана к указанной глобальной модернизационной задаче возрождения кабардино-балкарского общества.

1.2. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Как отмечают аналитики, последние десятилетия были периодом цивилизационного кризиса, вызвавшего глубокую трансформацию во всех сферах жизни российского общества – экономической, социальной, политической и культурной. Накладываясь друг на друга, они сформировали для страны ситуацию системного кризиса. Как отмечали в параграфе 1.1, принято считать, что средоточием кризисных явлений и деструктивных тенденций в современной России стал именно Северо-Кавказский регион. Решающее значение здесь имели глубокий паралич и частичное разрушение всей системы власти и управления. В этих условиях Северо-Кавказские республики оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации.

Однако в определенной степени время уже работает на Россию. Она с трудностями решает проблемы модернизации российского общества и государства. И Северо-Кавказским республикам, если они намерены иметь будущее, тоже предстоит подключиться к этому сложному и длительному процессу. Более того, для КБР в настоящее время в связи с формированием нового высшего руководства создались благоприятные условия для осмысления и разрешения судьбоносных проблем модернизации кабардино-балкарского общества. Для разрешения столь глобальной задачи возможности индивидуального исследователя недостаточны. Однако разрешение проблемы ставится именно отдельным исследователем. Он может в порядке первого приближения очертить многосложные и многомерные проблемы в несколько упрощенной целостности. Именно с такой генетически целостной картины глобальной проблемы она может быть осмыслена, оценена и принята к дальнейшей разработке уже коллективными усилиями научно-практического сообщества. Настоящий проект, в центре

которого стоит во весь рост проблема личности, ставит именно такую ограниченную задачу, подлежащую дальнейшей коллективной доработке.

Осмысление и разработка настоящего проекта основаны в определенной степени на инструментарии современного обществознания: социальной философии, общетеоретической и прикладной социологии, политологии, методологии и методики социологических исследований. Практическая постановка и формирование идей, принципов и механизма исследования поставленной нами сложной и многогранной проблемы осуществлены на основе комплекса отраслевых социологических и политологических теорий, концепций: социологии социального изменения; социологии общественного развития; сравнительной и прикладной политологии; социологии социальной интеграции; эволюционной социологии; социологии неозволюционизма; социологии модернизации; социологии экономического и социального развития; теории зависимости; социологии центра и периферии; социологии неравномерного социального развития; социологии недоразвитости и других. Набор инструментария разработки проекта являлось самостоятельной сложной проблемой. Как видно, здесь удалось очертить основные его параметры. И он в дальнейшем будет важным подспорьем в процессе развертывания программы модернизации кабардино-балкарского общества.

Эмпирической, научно-практической основой проекта является тридцатисемилетний опыт лаборатории социологических исследований КБГУ по изучению локальных и региональных социальных проблем, проведению социальных экспериментов и внедренческих работ в нашей республике и во многих регионах России, а также обобщение этих работ в одиннадцати опубликованных и депонированных монографиях.

Использованы также определенные идеи и разделы аналитического материала 2005 г. ректора КБГУ «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе через призму образования» (далее – аналитический материал): «О современной ситуации на Северном Кавказе», «Текущая ситуация в КБР» с учетом изменений, происшедших в республике на конец 2005 г. и за 2006 г.

Предлагаемый нами проект комплексного социологического исследования призван заложить основы разработки «программы **комплексной региональной модернизации**, соответствующей магистральным направлениям государственной политики России. Следует подчеркнуть – именно «предложить», а не просто «выполнять» такую программу (Из аналитического материала)». Это текущее «выполнение» новой программы позитивных изменений в социально-политическом и экономическом поле республики, как в России в целом, по-видимому, определено лишь в приоритетных направлениях, корректируемых в ходе практических действий. Поэтому ситуация требует создания общей картины основных параметров подлежащей реализации задач преодоления системного кризиса общественной жизни, которые не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены.

Естественно, предлагаемое нами общесоциологическое исследование для указанной цели должно быть конкретизировано локальными социальными,

экономическими, политическими, правовыми, культурологическими и этнологическими исследованиями и проектами. При этом для разработки программы комплексной модернизации на основе подобной совокупности исследований необходим учет того обстоятельства, что эти первичные и исходные эмпирические материалы не обуславливают гарантий полновесной действенности построенного на их основе социального проекта. Дело в том, что фиксируемые исследованиями социальные параметры имеют текущую и изменяющуюся природу. Поэтому от момента их фиксации исследованием до разработки на их основе программы практических действий, сами эти параметры подвергаются существенным изменениям. Тем более эти изменения увеличиваются от момента исследования и разработки модели комплексного действия до процесса и в ходе процесса практической реализации проектных установок. И, тем не менее, зная заранее об указанных помехах, недостатках комплексной программы, иного метода охвата общей картины состояния и динамики социальных процессов пока не существует. А этот указанный недостаток смягчается периодическим проведением мониторинга и внесением соответствующих коррективов как в исходные социально-эмпирические данные, так и в процесс реализации программы в целом и ее частей.

1.2.1. НАЙБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Реализация нашего исследовательского проекта покажет насколько Кабардино-балкарское общество подготовлено или не подготовлено к модернизационным процессам. **«Модернизация** – это современный термин, используемый для характеристики давно уже идущего в мире процесса – процесса социальных изменений, посредством которых менее развитые общества приобретают характеристики, отличающие большинство развитых обществ» (Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 томах. – М.: ООО «Издательство АСТ». СПб: Terra Fantastica, 2004. Т. 1, с. 21). Следовательно, этот процесс обеспечивает перерастание традиционного общества или, как часто называют, обществ «третьего мира» в современное. Среди множества показателей, характеризующих процесс модернизации, социология, прежде всего, обращается к личностному аспекту, как к единому исходному измерению. При этом она исходит из аксиомы о том, что ход модернизации общества, прежде всего, зависит от изменения человека, личности. Эта истина человечеству возведена давно, в седьмом веке:

***Воистину, Аллах не изменяет положения людей,
Пока они не изменятся внутри себя.***

(Коран, Сура 13, Аят 11).

Традиционное и современное общества характеризуются различной мотивацией деятельности человека, личности.

В традиционном – человек полностью зависим от традиций, обычаев, власти и сам не может сотворить ничего принципиально нового. И это связано еще с более важным его свойством – обстоятельства полной зависимости от внешних сил его лишают способности мышления, предполагающее созидание, активность, самостоятельность. Человек традиционного общества ни в себе самом, ни в социальном окружении не различает и не проявляет развития. Наши граждане характеризуются в основном указанными признаками.

Человек современного общества, т.е. модернизированная личность не понимает, как можно жить без развития, без борьбы за социальный прогресс, без творчества. Такой человек постоянно формирует новые идеи, стремится добиваться новых целей, преобразуя себя и общество. Подобные личности у нас появились, прежде всего, в сфере предпринимательства и бизнеса. И мы должны создать условия для их резкого увеличения и проникновения процесса в сферы политики, государственного регулирования, административного и оперативного управления.

Указанные типы личности создают соответствующие их сущности общества, и сами являются их продуктами.

Традиционное общество разделяет и объединяет людей на отдельные группы и общины, члены которых связаны между собой узами родства, национальной принадлежности, личной преданности друг другу или своему лидеру. Они изолированы друг от друга и от управленческого центра. Каждая из этих групп свои интересы добивается только для себя.

Современное общество является обществом участия всех – личностей, групп и общностей в общественной жизни. И каждый из них свои проблемы решает с учетом интересов других личностей, групп и общества.

В подобном личностном измерении мы ясно видим, что Кабардино-балкарское общество относится к традиционному обществу. Но перед ним стоит неизбежная задача модернизации, иначе у него перспектив на будущее не будет. Поэтому руководство и общество должны знать свои шансы на модернизацию. А это с помощью социологии можно установить и измерить. Если наше общество еще сохранило достаточное количество творчески активных личностей можно ставить задачи ускорения процесса модернизации, если же нет, то надо быстро решать проблемы социализации мыслящей и активной личности.

Социологические данные о соотношении активных и пассивных граждан необходимо иметь по главным социальным группам – демографическим, половозрастным, профессиональным, национальным.

Теория модернизации выработала определенную систему критериев, посредством которых общество может стремиться к достижению стадии современного развития, также видеть свое приближение или достижение этой цели. К ним относятся:

1) в модернизированном обществе существуют имманентные механизмы, которые обеспечивают постоянно возобновление экономического роста, несмотря на любые кризисы, его поражающие;

2) модернизированное общество отличается от традиционного высоким уровнем гражданской культуры населения, благодаря чему политической формой его существования становится демократия;

3) модернизированное общество в отличие от традиционного оказывается мобильным в физическом, социальном, этническом и психологическом смыслах;

4) в модернизированном обществе неизменным свойством личности и общества становится способность к изменениям во внутренней и внешней среде;

5) в модернизированном обществе люди начинают во всех областях жизни действовать совершенно рационально, вместо того, чтобы ориентироваться только на традиционные, привычные представления и внешнее (преимущественно, групповое, клановое и властное) давление.

Как главную идею в процессе модернизации надо иметь в виду представления (М.Вебера) о том, что любой процесс изменения, совершающийся в обществе, в конечном счете, означает усиление рациональных начал. ***В основе этого рационализма лежит исторический опыт, свидетельствующий о том, что кроме модернизации не существует никакого иного вектора развития. Не существует направления, по которому общество могло бы развиваться, не модернизуясь.***

Большинство модернизаций в мировой истории были модернизациями ***догоняющими***. Не в форме опорочившего себя при советах лозунга «догнать и перегнать». В данном случае (и особенно для нас в переживаемый момент) догнать соседа означает: у соседа или более удачливого партнера заимствовать показавшие свою эффективность институты, программы, обобщенный опыт, позволяющие обеспечить необходимые преобразования (повышение темпов роста производства, совершенствование структуры экономики, уровень и характер занятости трудоспособного населения, повышения активности граждан, ускорения темпов формирования гражданского общества и т.д.).

В гонке за современностью выигрывает то общество, которое знает, что имеет, если не имеет, то приобретает основные факторы, которые определяют характер и темпы модернизации. Таковыми социология модернизации считает:

1) имеющиеся в обществе традиции, определяющиеся особенностями исторического развития и господствующей религией; состояние и динамика общественного и индивидуального сознания в сложившейся ситуации, общественного мнения и настроения населения относительно кризисных процессов в социуме;

2) характер того исторического периода, в котором началась модернизация данного общества;

3) состояние стартовых условий процесса модернизации (для КБР крайне неблагоприятное, а для Абхазии, наоборот, вполне благоприятное);

4) степень легитимности элиты, руководства и управления общества, ведущей общество к модернизации (в КБР на самом высшем уровне элита теряет доверие общества, а Абхазия имеет полное доверие подавляющего большинства, как это показали последние президентские выборы);

5) состояние национально-этнических проблем в обществе (здесь расположена «ахиллесова пята» нашей модернизации, о чем ниже будет сказано подробнее);

6) степень централизации и эффективного взаимодействия всех элементов системы власти и управления для реализации принимаемых реформаторами решений в рамках осуществления модернизационной политики;

7) характер и ориентация политических лидеров модернизируемого общества, и их поддержка осознавшей и принявшей модернизационную программу подавляющей массой населения.

Социология характеризует общество (например, В.Зомбарт), предшествовавшее капиталистическому, как систему административного хозяйства – или, если точнее, как систему, в которой свобода предпринимателей со всех сторон ограничена. Ограничения эти, с одной стороны, сохраняются как остатки феодальной (в том числе и советского феодализма) хозяйственной системы, а с другой порождением абсолютистского (в том числе и тоталитарного) государства, стремящихся подладить экономику под интересы господствующих кланов на принципах, далеких как от феодализма (и социалистического), так и от капитализма. У нас в стране в целом и, особенно в КБР, действительно никто не знает сущности культивируемой экономики.

Модернизация, прежде всего, зиждется на новой политической системе и принципах, закрепляющих и углубляющих демократические предпосылки для глубоких преобразований в обществе. Мировая политология свидетельствует о том, что и при авторитарных режимах могут быть достигнуты определенные экономические успехи. Однако эти успехи долгосрочной перспективы не имеют (как это было при царском и советском режимах). Долговременный настоящий расцвет экономики и социальной сферы общества может иметь место только при условии глубокого внедрения демократических принципов в общественном организме. (См.: Сравнительная политология: исследование по демократизации. В кн. Политическая наука: новые направления (Перевод с англ. Под ред. Е.Шестопал) – М: «Вече». 1999, с. 345-360). *И в этом смысле, прежде всего человеческий фактор модернизационного процесса предстает перед нами как необходимость формирования гражданского общества.*

В основе формирования гражданского общества – обеспечение политическим руководством и управлением общества демократической программы участия граждан в управлении делами общества. Эту политику участия граждан, прежде всего, реализуется формированием обширной системы партийных и общественных организаций. Так, например, в США

действуют около 3-х миллионов политических партий и общественных организаций. В России количество политических партий резко ограничены, а национальные республики вовсе лишены возможности иметь свои региональные партии. А уходящий с политической арены режим КБР через суды запретил деятельность 17 политических партий и общественных организаций. И в настоящее время власти чинят препятствия нормальной регистрации общественных организации и решают подобные вопросы по усмотрению чиновников уходящего режима. Так, в регистрации Кабардинского Конгресса трижды отказано. В то же время другие организации, деятельность которых направлена на разжигание межнациональной розни и реализации корыстных интересов регистрируют беспрепятственно. Это один из частных моментов, посредством которых чиновники уходящего режима саботируют наметившиеся процессы модернизации нашего общества.

Исследование должно выявить насколько наше общество нуждается, подготовлено к организованному в общественных объединениях участию в процессах освоения и разрешения общественных проблем в целях:

- 1) выражения интересов различных социальных групп;
- 2) согласования совпадающих или противоречивых социальных интересов;
- 3) формирования мобилизующей идеологии;
- 4) ориентирования участников на практические действия по вопросам управления делами общества и собственной общности;
- 5) формирования чувства солидарности и стремления достичь заявленных целей и идеалов;
- 6) вовлечения большего количества граждан в коллективные социальные действия;
- 7) формирования целей и опыта давления на власть и управление в форме конструктивной оппозиции для достижения целей эффективного взаимодействия власти и общественности.

Для эффективного управления изложенными выше ситуациями общество нуждается в том, чтобы исследование дало, прежде всего, общее измеренное представление о различиях между нынешним и предшествующим состоянием направления социальных изменений в республике. Во-первых, оно выяснит общую картину направления социальных процессов: продолжение углубления кризисных тенденций или наличие прогрессивных изменений в сторону налаживания тенденции развития общества. Во-вторых, исследование измерит темпы текущих позитивных или негативных изменений. В-третьих, даст общее представление о наличии или отсутствии главных причин наблюдаемых тенденций – повышение эффективности власти и управления, инвестиционная ситуация, оживление экономической активности, появление и развитие социального оптимизма граждан, возрастание социальной активности населения на основе намеченных демократических тенденций, успешное решение межэтнических противоречий и т.д.

Обращение к истории модернизации на собственном (советском) опыте учит нас тому, как не надо осуществлять преобразования. А опыт мудрых народов настраивает нас на оптимистический лад. Он учит нас тому, что если мы будем эволюционно и, где можно, ускоренно пользоваться этим опытом, то трудности трансформации общества завершатся и рано или поздно обязательно наступит эпоха процветания.

1.2.2. ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ИЗМЕНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ В АСПЕКТЕ ОТ КРИЗИСА К РАЗВИТИЮ. МЕСТО РЕЛИГИЙ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Социология развития в формируемой программе проявляет себя в широком и узком смыслах слова. В широком – определяет общие параметры социального перехода общества «третьего мира» от традиционного уровня развития к современному состоянию. В узком смысле слова эта теория определяет и направляет процессы модернизации общества с охватом таких специфических качеств процесса, присущих таким **ДЕЗИНТЕГРИРОВАННЫМ** обществам, как общество КБР, и разрешаемых посредством концепций эволюционизма, неоэволюционизма, недоразвитости и теории зависимости. Наша главная гипотеза исследования исходит из признания того, что перечисленные выше специфические особенности необходимо подлежат учету при исследовании и разработке программы модернизации кабардино-балкарского общества.

Дезинтеграция кабардино-балкарского общества выражается в резком снижении степени чувства принадлежности к социальной группе, коллективу и обществу из-за их разрушения в результате аномии социальных норм, ценностей, убеждений и веры в справедливости происходящих перемен, искренности их осуществляющих сил. Это, во-первых. Во-вторых, деятельность и функции различных традиционных (доставшихся от прошлого) государственных и общественных институтов, вместо того, чтобы дополнять друг друга, противоречат между собой и этим дезинтегрируют общество и отчуждают от него личность. В-третьих, новые специфические учреждения и институты, возникшие в ответ на требование времени и происходящих перемен, призванные координировать подсистемы общества, малоэффективны или вовсе неэффективны. Указанные три состояния и связанные с ними процессы порождены контрреволюционным (или Ельциновской революцией, если это кому-то больше нравится) разрушением традиционного (советского) общества.

Очередная революция подобного характера наше общество не переживет. Поэтому выход из хаоса, в котором оно оказалось, возможно только эволюционным, медленным естественным путем. А эволюционная теория объединяет два суждения, которые мы должны учесть, став на путь эволюционного развития.

Первое: эволюционное движение вперед предполагает развитие сложных форм социальной организации из простых посредством увеличения дифференциации социальной структуры и специализации функции. Второе: подобные структурные изменения предусматривают параллельный процесс продолжения нравственного, интеллектуального и эстетического развития.

Первая задача в мире давно решается посредством полного разграничения функций ветвей власти, т.е. соблюдением закона о разделении власти. Вторая задача связана с формированием гражданского общества, которое само предстает как процесс создания широчайшей системы партийных, общественных организаций и объединений, обеспечением участия масс (особенно в формах реального самостоятельного социального действия и социального контроля над правомерностью и эффективностью деятельности структур государственной власти) в социальной и политической жизни общества.

Управляемое развитие общества, прежде всего, зависит от развития государственной власти и управления. Традиционное общество, каковым является наше, само по себе не уступит место рыночному. Между этими обществами стоит мощный и решающий посредник – государственно-административный аппарат. В нынешних условиях этот аппарат благоприятствует становлению рыночного хозяйства и основанной на нем социальной структуры только на самом высшем уровне. По нашим наблюдениям за истекшее год и четыре месяца после смены высшего руководства республики прогрессивной замене подвергся не более 1-2 процентов чиновничества, являющегося реальной государственной силой. ***Поэтому подавляющее большинство остающихся на своих постах чиновников КБР развитие республики представляет себе как продолжение грабежа и присвоения права распоряжаться экономикой и политикой в обществе. А та его меньшая часть, способная к перестройке собственных позиций и накоплению нового опыта, должна иметь четко определенные ориентиры и методы определения развития процесса преобразования ее внутреннего мира и нового социального поведения.***

Осваивая эволюционный путь развития нашего общества, мы должны иметь в виду, что, в силу наших специфических обстоятельств, нам придется найти возможность избежать возможного тупика однолинейности эволюционного подхода к решению проблем модернизации нашего общества. ***Наш эволюционный путь не обязательно может пойти за общей эволюционной моделью развития. Тогда нам открыт путь неозволюционизма для реализации совокупности задействуемых нами своеобразных эволюционных факторов.***

Нам придется искать неозволюционистский путь развития не только потому, что наши стартовые позиций крайне неблагоприятны – по уровню развития республика занимает одно из последних мест среди субъектов РФ. Следовательно, республика пока остается в состоянии недоразвитости. СССР практиковал выравнивание развития регионов, уделяя особое внимание

национальным регионам. РФ проводит обратную политику, направленную на свертывания развития национальных окраин. Еще правительство Черномырдина разослало письмо всем зарубежным и российским инвесторам о том, что на Юге России только три города – Ростов-на-Дону, Краснодар и Ставрополь являются благоприятными для инвестиции. А все национальные республики Северного Кавказа правительство объявило зоной инвестиционного риска. Что исключает приток инвестиции (к тому еще после октябрьских событий 2005 г. в Нальчике) в КБР.

В результате от КБР отвернулись не только инвесторы. В крайне трудном положении оказалось наиболее развитое в республике торговое предпринимательство. Из 17 тысяч торговых предпринимателей КБР только одна фирма имеет непосредственные зарубежные поставки продукции. Остальные выживают путем перекупки товаров в Горячеводском рынке Ставропольского края и продажей этих товаров со своей надбавкой к ценам, вобравшим наценки ставропольских торговцев.

Мы также должны иметь в виду еще некоторые внутренние проблемы. Становление рыночного хозяйства в КБР должно одновременно бороться с двумя мощными силами – с омертвленным, а теперь и полностью разрушенным механизмом традиционного хозяйствования и государством в лице всемогущего чиновничества. Как один остроумный автор раннего капитализма выразился, «плебс (в нашем случае, рядовые граждане – Ю.Ш.) не перестанет тянуть свою песенку, пока его не притянут за уши и не ткнут носом в то, что для него ново и выгодно». Эта мысль и в наше время в определенной степени верна. Поэтому общество сперва должно иметь в лице государства, конкретно чиновничества, силу, способную знать что «ново и выгодно» не себе, а обществу, принимать эти знания к реализации и вести массы населения к осуществлению это «общей выгоды».

Таким образом, реформаторам КБР в лице его пока очень узкого круга высшего руководства предстоит преодолеть практически сильные барьеры, противодействующие развитию и модернизации общества. Эти барьеры должны быть изучены, в результате чего только и возможно наметить реальные меры по их преодолению.

Для решения данной проблемы предполагается исследовать такие важные обстоятельства, как:

1.2.1.1. Насколько обосновано такое резкое увеличение численности чиновников в КБР. Отношение численности чиновников к общей численности населения в России характеризуются: в крупных регионах 1 чиновник на 3000-3800 человек населения. В относительно небольших регионах в целом 1 чиновник приходится на 1200-1300 человек населения. В Кабардино-Балкарии этот показатель в 1998 г. составлял 1 чиновник на 600 человек населения, включая грудных детей (Аналитические материалы). За истекшие десять лет, можно предположить, что рост чиновничества по закону Паркинсона продолжился и имеем 1 чиновника (особенно за счет непостижимо высокого роста численности занятых в силовых органах и

быстрого роста утечки населения из республики в поисках работы) на 300-400 человек населения.

1.2.1.2. Уровень пораженности чиновничества республики коррупцией и возможности борьбы с этим явлением (проблема была нами исследована по заказу Совета экономической и общественной безопасности при президенте КБР в 2009 г. с охватом 6 тысяч респондентов по всей республике. При этом выявлена крайняя запущенность проблемы).

1.2.1.3. Принципов формирования этой многочисленной и могучей армии чиновничества (родство, кумовство, взятка, личная преданность, холуйские способности и т.д.), что превращает ее в непреступную касту, класс, способный противостоять любым нововведениям, не говоря о радикальной модернизации общества.

12.1.4. По некоторым сферам управления делами общества уже разрабатываются системы оценки показателей их эффективности. Такие стандарты оценки показателей всех групп чиновничества может быть завершена и по ним установлена функциональная загруженность этих групп, из коих будет видны возможности их сокращения и совершенствования структурных построений.

1.2.1.5. Легитимности (законности избрания и деятельности, наличие доверия населения в полезности и поддержки), публичности (способности обращаться к гражданам от имени всего общества, выражая их общие интересы), способности принимать единственное главное решение по всеобщим проблемам парламента КБР. О необходимости исследования деятельности парламента КБР может свидетельствовать его поведение в самый ответственный и трагичный для КБР момент – во время событий 13 октября 2005 г. Парламент «не видел» пятилетний ход подготовки событий определенными государственными силовыми структурами. А когда трагедия совершилась, принял «важное» решение: ходатайствовать перед Госдумой РФ об отмене моратории на смертную казнь (предполагал запугать идущих на смерть восставших угрозой еще одной смерти – смертной казнью от имени парламента КБР!), и предписал органам милиции «охранять себя» (этим наш парламента лишил милицию функции охранять население и милиция занялась собственной охраной, соорудив вокруг зданий всех отделений милиции трехметровой высоты железные заборы и выставив у ворот вооруженную автоматами многочисленную охрану!). И, естественно, опозорил себя.

Структурного и количественного соответствия законодательных органов – парламента КБР и муниципальных советов - резко сократившимся их функциям после приведения Конституции КБР к синхронному повторению Конституции РФ, т.е. лишения этих органов функций законодательства. Эти органы надо теперь наделить хотя бы функциями контроля над правоприменительной деятельностью исполнительной власти. Также надо решить вопрос о возможном их резком сокращении в соответствии с оставшимися мизерными функциональными обязанностями.

Возможности восстановления связи парламента с населением, избирателями, которых он совершенно игнорирует в настоящее время. Депутаты парламента были связаны только с президентом республики, по списку которого они под видом «выборов» фактически назначались. Недавние довыборы некоторых депутатов в парламент КБР показал, что эти выборы, похоже, проводились по старому принципу – «неважно как голосуют, важно, как подсчитывают». Эту самую опасную традицию традиционного общества надо ломать в корне и навсегда.

Возможные функции и связи создаваемого Молодежного парламента с государственным парламентом и муниципальными советами, а также массой молодежи, органами исполнительной власти и управления.

1.2.1.6. Эффективность деятельности исполнительных органов республик и администраций городов, районов и сел. Легитимность их формирования и законность их деятельности. Наличие описанных и установленных функциональных обязанностей служащих и соответствие их деятельности нормативам нагрузки. Удовлетворенность населения их деятельностью и направления их возможного улучшения. Влияние коррупции на принимаемые ими решения.

1.2.1.7. Состояние осуществления правосудия судебной властью республики. Соблюдение судами процессуальных правил и норм, наиболее характерные их нарушения. Судебная волокита и неправомочные решения, их причины. Влияние взяточничества на судебные решения. Подбор, подготовка и расстановка судебных кадров.

1.2.1.8. Арбитражная практика в республике и ее влияние на хозяйственную деятельность. Защита интересов малого и среднего бизнеса.

1.2.1.9. Состояние осуществления адвокатской деятельности в республике. Отношение силовых органов КБР к процессуальным правам адвокатов. Профессиональная подготовленность адвокатов и принципиальность отстаивания ими интересов своих клиентов.

1.2.1.10. Прокурорская практика в республике. Состояние прокурорского надзора за соблюдением норм законов организациями и лицами. Состояние прокурорского надзора за деятельностью органов милиции.

1.2.1.11. Деятельность органов милиции, их соответствие текущему законодательству. Культура работников милиции.

1.2.1.12. Удовлетворенность населения республики деятельностью органов судов общей юрисдикции и арбитражного, прокуратуры, милиции и адвокатуры.

По материалам комплексного исследования может быть разработана программа общей модернизации кабардино-балкарского общества и совершенствования управления социальными процессами в его отдельных сферах. А настоящее исследование становится одним из важных локальных подходов к разрешению проблем модернизации общества на его генетическом (исходном) уровне – на уровне формирования сознания и поведения подрастающего поколения,

являющегося основным фактором, объектом и субъектом модернизационных процессов в обществе.

В аспекте нашего исследования необходимо затронуть проблему о роли религий и, в особенности, ислама в начатых модернизационных процессах кабардино-балкарского общества. Обратимся по этому вопросу к некоторым отечественным исследованиям, а также к многочисленным и многосторонним американским исследованиям, подробно освещенным в нашей научной литературе, относительно общественных функций ислама в мусульманских странах Востока, переживавших в 50-70 гг. прошлого века эпоху перехода от традиционного общества к модернизируемому (см.: Филиппова М.И. Общественные функции ислама в современном американском исламоведении. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 148 с.).

В указанные десятилетия изучение современных проблем ислама в обществоведении США (особенно в социологии, социальной антропологии, социальной психологии, политологии) проводилось главным образом в рамках междисциплинарного социологического подхода. Такой же подход нами используется в настоящем исследовании. И в таком аспекте мы производим отбор материалов из трудов американских ученых.

В этот период исламские страны Востока переживали стадию своего развития, которая во многом схожа с социальной ситуацией, в которой мы в настоящее время находимся. Поэтому материалы американских исследований представляют для нас и научный и практический интерес.

В мусульманских странах, отмечает В.П.Лукин, где, несмотря на все различия в уровне социально-экономического развития, уровня производства (при сохраняющейся многоукладности хозяйства) не могут связать в единое целое массу населения, сплочение и интеграция нации действительно во многом обеспечиваются общенациональной идеологией (см.: Лукин В.П. «Идеология развития» и массовое сознание в странах третьего мира. – Вопросы философии, 1969. № 6, с. 38-39). А чтобы эта общенациональная идеология была серьезной общественной силой, и служить руководством к действию для широких слоев населения, ***она должна быть воспринята и усвоена их сознанием, иными словами, должна стать «органическим элементом самой массовой психологии»*** (см.: Парыгин Б.Л. К.Маркс и Ф. Энгельс об общественной психологии. – Проблемы общественной психологии. – М., 1965, с. 23). Учет существенной, а порой и решающей роли массового сознания в мотивации действия и поступков людей необходим при рассмотрении любого общественного движения. «В этом плене, - отмечает М.И. Филиппова, - обращение американских ученых к социально-психологическим исследованиям при анализе политических систем стран распространения ислама является оправданным, и содержащийся в их работах конкретный материал относительно особенностей массового сознания в мусульманских странах, а также его взаимовлияния и взаимосвязи с разрабатываемыми там «идеологиями развития» представляет определенный интерес ...» (Филиппова М.И. Указ. работа, с. 56-57) для всех

республик России, где подавляющее большинство населения исповедуют ислам, А таковыми являются все республики Северного Кавказа, за исключением Северной Осетии, где половина населения - дигорцы - в недавнем прошлом также были мусульманами и частично ими и остаются по настоящее время. Следует отметить и то важное обстоятельство, что большинство адыгского и абхазского народов находится в мусульманских странах и тесно связаны с исламом. Поэтому изложенная здесь сущность и влияние ислама на процессы модернизации для нас имеют важное значение.

Этот интерес к американским материалам связан не только с научными и модернизационными проблемами, но также особенно с политическими. Этот материал наглядно дает ответ на два важных вопроса. Первый – будет ли мешать или способствовать возрождению ислама успеху реформ, модернизационных процессов в кавказских республиках, Абхазии и России в целом? Насколько оправдана и в интересах ли России объявленная высшим руководством России война исламу на Северном Кавказе сперва под кличкой «ваххабизма», который после визита президента РФ в Саудовскую Аравию, и вручения ему королем Саудом золотого ордена стоимостью в 500 тыс. долларов, а его спутнику такого же ордена стоимостью в 200 тыс. долларов, «ваххабизм» по Кавказу объявляется нормальным религиозным течением в исламе?

Востоковеды США к анализу значения ислама для модернизации традиционных обществ Востока подходили крайне скептически. Принципиально отличными от востоковедного подхода к проблеме явились оценки представителями «СОЦИОЛОГИИ РАЗВИТИЯ» идейно-политической обстановки в этих странах и роли положительной роли ислама в ее трансформации. Отказывая исламу в роли определяющего элемента развития (что и мы в условия России должны признать), американские ученые тем не менее, отводили ему важное место в общественной жизни мусульманских стран, как «наиболее широко понимаемому и наименее спорному средству коммуникации» между лидерами и массами, которое обеспечивая политизацию граждан молодых государств Востока (Россия тоже совсем молодая новая страна) и мобилизации их усилий на решение задач модернизации. При этом, оказывается, ислам в значительной мере способствует политическому процессу переходного периода, хотя и не устанавливает ни его целей, ни его направления.

При этом американский социолог Д.Е. Смит подчеркивает, что «вовлечение религии в политизацию масс является важным, но кратковременным процессом, характерным лишь для политики переходных обществ» (Филиппова М.И. Указ работа, с. 53). При этом американские ученые держали в центре внимания ориентацию на поддержание «равновесия» общества путем концентрации внимания на модернизацию и развития политических систем. «Наш подход, - писал Л.Пай, - заставил нас более глубоко осознать, что во всех обществах, которые стоят перед лицом синдрома развития, присутствует напряженность, конфликт и даже насилие» (там же, с. 54). Очевидно, что эту же картину мы наблюдаем в целом по

России и, в особенности, на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии. Тогда и вывод из этого неизбежен: без политической модернизации оmodernить сферу экономики невозможно. А ислам – сила, которая может помочь в решении политических и экономических проблем. Позитивный аспект его религиозной традиции заключается именно в том, что «ислам, - как писали Дж. Томпсон и Р. Рейшауэр, - обеспечивает элемент сплоченности и преемственности в процессах развития, неизбежно сопровождающихся дезинтеграцией и разрушительностью» (Там же, с. 54).

Для успешного общественного развития, делают выводы американские ученые, необходимы высокая степень организации, интегрированности и стабильности политических систем, которые находятся в прямой зависимости ОТ СОСТОЯНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, а именно от наличия в нем согласия (консенсуса) во «мнениях, отношениях и чувствах», которые «управляют поведением в политической системе» и «придают порядок и значение политическому процессу». Поэтом «главной проблемой, стоящей перед лидерами переходных обществ (каковым являются российское, кабардино-балкарское и абхазское– Ю.Ш.) в период быстрых изменений, является, - подчеркивал Х. Кебсчулл, - развитие и поддержание согласия относительно как целей, так и путей их достижения» (Там же, с. 54-55). Главную роль в выполнении этой «жизненно важной функции» Х. Кебсчулл отводит массовой идеологии. Проблему идеологии для переходных стран углубляет другой автор. «Достигнув высокой степени интеграции, - пишет Р. Декмеджиан, - западные нации меньше ощущают необходимость идеологии. Если Запад вступил в эру «конца идеологии», то незападный мир находится в эпохе, которую можно назвать «началом идеологии».

В связи с тем, что по мнению американских исследователей интегрированность, стабильность и широкое участие населения в политическом процессе являются основными критериями современного государства вообще, ислам в переходный период приобретает «роль универсального средства консолидации и мобилизации масс, пригодного для любой мусульманской страны независимо от выбранной ею политической ориентации» (там же, с. 59).

Таким образом, мировой опыт влияния ислама на процессы реформ в переходных обществах, каковым является Россия и ее исламско-национальные регионы показывает, что эта религия подтвердила практически свою положительную роль в модернизационных процессах, и что подобную же роль ислам может выполнять и в России. Поэтому война, объявленная некоторыми политическими силами России исламу на Северном Кавказе имеет причину не в опасении нанесения вреда российским реформам. Причина в том, что задача «растворения национальных республик» в России хотят выполнить различными способами.

Для Чечни был спровоцирован сепаратизм и против него подогнали желание Ельцина по поводу организации «небольшой победоносной войны». Об истинной цели войны против чеченского народа ее организаторы писали

«совершенно секретные» приказы. Так, в начале декабря 1994 г. перед началом войны министр обороны России П. Грачев в своем приказе писал: «В связи с ожидающимся массовым, но неорганизованным сопротивлением принято решение воспользоваться этим обстоятельством осуществить массовую депортацию местного населения под видом его организованного вывода из зоны боевых действий в другие районы Российской Федерации... (Бунич И.Л. Хроника чеченской бойни и шесть дней в Буденновске. – СПб: ОБЛИК. 1995, с.96). Обращают на себя внимание ключевые слова в этом абзаце приказа. Главные из них – «массовая депортация местного населения». Бездарные политики и военные планировали всего лишь очередную депортацию чеченцев. Но чеченский народ оказал организованное сопротивление. Он оказался лучше подготовленным к войне, чем Ельцин, Грачев и их команда. И после первого разгрома чеченцами Группы войск Грачева красноречивый итог подвел командующий ВДВ генерал-полковник Подколзин: бездарная тактика Грачева «помешала провести организованную депортацию населения в другие районы России» (Там же, с.97-98). Депортация не удалась. Половину населения республики уничтожили, города и села стерли с лица земли. Какой ценой это сделано? И какие цели новое руководство России достигло?

Одновременно по всему северокавказскому региону развернули борьбу с исламом, открыто и ложно приписывая ему опасения, которые от него не исходили. В этой программе был закреплён механизм развертывания этой борьбы и в КБР. И этот механизм, задействованный в 2001 г. перед визитом в Нальчик президента РФ, был запущен одной фразой бывшего генерального прокурора России. Через пять лет была организована октябрьская война в Нальчик. Главная цель и этой войны – растворение республики путем сокращения населения республики посредством развертывания гражданской войны и ускорения самодепортации местного населения без государственных затрат. Что и происходит в настоящее время в республике, которую за последнее два десятилетия по некоторым подсчетам покинули, «самодепортировались» более 200 тыс. ее самого активного населения.

Через двадцать два месяца после нальчикской трагедии общественность республики снова уснула, приняв какие-то внешние признаки за свидетельство окончания войны с «ваххабизмом» в КБР. Да, новый министр внутренних дел по КБР заявил, что «ваххабизм», как выше указали, уже милицией не преследуется. Запущен новый термин – «религиозный экстремизм». Однако приемы милиции «антиваххабитские». 27 июля 2007 г. в прямом эфире по республиканскому телевидению заместитель муфтия КБР Дзасежев задал вопрос участнику встречи полковнику милиции Эфендиеву: «Участковые милиционеры продолжают и сейчас записывать у мечетей всех, кто приходит туда». Полковник отвечает: «Ничего они не записывают. Записывают не участковые. Не утрируйте!» Дзасежев в растерянности повторяет свою тревожную фразу, не смея формировать ее как вопрос полковнику. Полковник лаконично отвечает: «Не утрируйте! Не утрируйте!» Полковник публично приказывает заместителю муфтия заткнуться. И тот

заткнулся. Это признак того, что многочисленная милиция, чтобы не оставаться без работы, похоже, по отработанной в октябре 2005 г. схеме, готовит новые «мероприятия» против посещающих мечети в КБР, в 2005 г. очищенных от «ваххабитов». Средства меняются, а цель остаются: создание необходимых условия для «растворения» (термин запущен депутатом Госдумы Митрофановым, заместителем Жириновского) республики. Хотя, можно усомниться в том, что люди в погонах до конца осознают то, что они творят против собственного народа и его будущего.

Как во всем мире, так и в России, на Кавказе и КБР в настоящее время мы стоим перед неумолимым вызовом времени. «Мы пришли к конченной точке, - доказывает мудрый и знающий о чем говорит Дж. Къеза, - где все категории политической мысли должны подвергнуться изменениям. ВОПРОС СТОИТ РЕБРОМ: ВОСТОРЖЕСТВУЕТ ЛИ РАЗУМ И ВЫЖИВАНИЕ ИЛИ БЕЗУМНЫЕ САМОУБИЙЦЫ, ВСЕ ЕЩЕ УБЕЖДЕННЫЕ В ТОМ, ЧТО ВПЕРЕД МОЖНО ИДТИ ПРЕЖНИМ ПУТЕМ? (выделено нами – Ю.Ш.)» (Къеза Дж. Война империй: Восток-Запад. Раздел сфер влияния / Пер. с итал. – М.: Эксмо, 2006, с.318). В очередной раз время ставит перед нами извечный вопрос: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? Мы будем, если поймем, что альтернативы, поставленные Дж. Къеза стоят перед нами в форме пятикратной усложненности и такой же опасности – общемировой, общероссийской, общекавказской, общереспубликанской (кабардино-балкарской) и собственнонациональной (кабардинской, балкарской, русской и т.д.). Для торжества нашего разума, прежде всего, необходимы коренные изменения в его работе для формирования соответствующих требованиям времени личностного и общественного сознания и самосознания, а также индивидуального, группового, массового и общественного поведения.

ИДЕОЛОГИЯ МОДЕРНИЗИРУЕМОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

интеграции, западные	Достигнув	высокой	степени
идеологии. Если	нации меньше ощущают необходимость		
незападный	Запад вступил в эру «конца идеологии», то		
можно назвать	мир находится в эпохе, которую		
	«началом идеологии».		

Р.

Декмеджиан

Эпиграфом параграфа мы вынесли мнение известного специалиста о том, что, достигнув высокой степени интеграции, западные нации меньше или вообще не ощущают необходимость идеологии в ее традиционном смысле. *Если Запад вступил в эру «конца идеологии», то незападный мир*

находится в эпохе, которую можно назвать «началом идеологии» в ее классической форме. Российский, адыгский и абхазский миры, естественно, в условиях строительства новой России и новой Абхазии относятся к «незападному миру». И поэтому они нуждаются в идеологии общенациональной, политико-государственной и, конечно, модернизации. В настоящей разработке мы не можем брать за решение проблем идеологии на указанном глобальном уровне. Такую сложную задачу можно решить только коллективными усилиями.

Мы позволим себе в порядке постановки очертить круг вопросов, относящихся к общим проблемам формирования в перспективе философских и социологических основ перечисленных видов идеологий с уклоном на *проблемы идеологии модернизации* наших республик. При этом логика подбора мыслительного и практического материала будет настроена на исключительной важности цель: *раскрытие механизма самопознания настоящей и будущей элитами общества* путем изучения, прослеживания своей внутренней сущности, ее проявления в социальном процессе, следования спонтанной, сложившейся в ходе социальной практики социально-наследственной идеологии и возможностей перехода к научной идеологии модернизации. Реальность этого процесса покажет *успешное использование для формирования и осуществление успешной деятельности системы «малых государств», которые будут созданы в начале в учебных трудовых коллективах, а затем, возможно, и в других сферах общественной жизни Абхазии.*

В уникальной книге по содержанию и полноте исследования политических систем всех 192 стран, существующих в современном мире (Дербишайр д. Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира: В 2 т. пер. с англ. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004 – 512 с.) имеется раздел «Идеологический базис», посвященный сущности и типологии идеологий всех современных государств. Интересно как с позиции мировой политологии авторы начинают этот раздел. «Мы входим в предательский мир идеологий, - пишут они, - где будем введены в заблуждение настолько, насколько информированы (Указ соч., с. 27). Авторы, по-видимому, имеют в виду возможная недостаточность информации, которую они будут иметь по объекту исследования. Однако, на наш взгляд, «предательство» идеологии еще более сложно и многообразно. Так, идеология может быть вводящей в заблуждение по причинам: из-за вообще отсутствия идейно-логически выверенной идеологии; из-за отсутствия достаточных знаний о спонтанно сложившемся явлении у ее «владельца» - политической элиты, государства, общества; из-за известного несоответствия исповедуемой как ширма идеологией и проводимой под ее знаменем политической практики и т.д. Очевидно, что все эти перечисленные и другие состояния «предательства» идеологий имеют место в постсоциалистическом и, особенно, в постсоветском политическом пространстве.

Идеология государства, политической системы не будет «предательской», послужит народу только в том случае, если она не была

ему навязана извне, а будет вытекать из непрерывной политической истории народа. Прерванная собственными импульсами или противостоящими силами идеология, например, демократия, не может быть продолжена в ее первоначальном виде. При возобновлении, она неизбежно переходит в иное состояние, которое требует нового познания и нового формирования. При таком понимании *идеология может стать главной истиной общества*, в соответствии с которой граждане, группы граждан, политические партии, органы государства и политическая система будут в основном согласованно действовать для утверждения ее идей, принципов и установок.

Для того, чтобы политическая элита (а затем и массы народа) знали истинность своей идеологии, необходимо адекватное ее отражение в ее сознании объективное содержание экономических, политических и социальных процессов, эмпирического опыта, чувств, идей, суждений, проб, ошибок социальной деятельности общества. Из подобной общей картины политическая элита должна суметь четко представить себе общую картину функционирования и направление развития общества и его главных компонентов.

Политическая элита должна исходить из истины, что мир объективной социальной действительности, которой она управляет, не может быть сразу и в полном объеме ее познан. Для познания и тем более для управления политическая элита имеет дело с исключительно сложным, чем любой сложности техническая или природная система, объектом. Этот объект – общество, само обладает сознанием, самосознанием, и управляет своим поведением. Поэтому элита на каждом этапе осмысления текущего момента имеет о своем обществе лишь относительную, неполную объективную истину, содержащей умышленные извращения, добросовестные заблуждения, а также вообще не познанные темные пятна и полосы, связанные с новыми, неизвестными тенденциями и явлениями.

Для приближения социальной информации к действительности современное обществоведение дало развитым государствам средства научного мониторинга, специфического анализа состояния общества в его важнейших – экономика, политика, духовная жизнь, религия, искусство и т.д. - сферах. Важнейшей и наиболее эффективной из этих средств является социологический мониторинг. Он обеспечивает получение социологической информации о состоянии и динамике (движении) социальных явлений и ситуаций. При социологическом мониторинге обычно определяется необходимое число наиболее существенных показателей, отражающих состояние социальной среды, затем методом повторных исследований регулярно проводятся социологические замеры, что позволяет накапливать и анализировать информацию о динамике, используя сравнения с базовыми или нормативными показателями. Экономически и интеллектуально развитые общества давно дополнили традиционные методы познания общества и происходящих в нем процессов. На основе «аналитических» материалов, компонуемых чиновниками относительно собственной деятельности, или статистических данных, составляемых самими же

чиновниками объективно судить о состоянии и динамике социальных процессов невозможно. Относительно самого «надежного» материала для чиновничьего анализа социальных процессов уместно вспомнить мнение Бернарда Шоу. Есть три вида лжи по нарастанию степени опасности для общества, писал великий писатель, первая - просто ложь, вторая - наглая ложь, и третья самая опасная ложь - статистика...

Сошлемся еще раз на авторитет великого Дени Дидро, основателя первой в истории французской энциклопедии. Как выше приводили, он с горечью писал: «Сколько людей умерло, сколько еще умрет, так и не узнав, кем они были». Это измерение вполне можно перенести от личности к народам. Тогда мы должны воскликнуть: сколько народов исчезли, сколько еще идут по пути исчезновения, так и не узнав, кем они были, и кем они могли стать! Чтобы народы и их составляющие личности могли стать теми, кем могли бы стать, они должны иметь *свое свободное государство*.

Политическое и юридическое определение сущности государства - государство есть сумма территории, населения и органов власти; государство – основной институт политической системы общества, обладающий суверенитетом и управляющий обществом – в социологическом аспекте получает третье, более наглядное определение. В таком аспекте следует признать, что *государство есть совокупность лиц, наделенных политической и административной властью*. Тогда в какой-то степени изменениям подвергается политическая часть государства – политические кадры, а почти неизменной и всесильной его частью остаются административные кадры - назначаемое чиновничество. Современное свободное государство реально существует при наличии двух наиболее важных обстоятельств. Во-первых, национальное государство должно быть свободно от подавляющей внешней зависимости от другого государства. Во-вторых, государство должно быть в решающей степени свободно от подчинения интересов народа интересам политико-чиновничьего корпуса и давать возможность своим гражданам формировать и проявлять свои способности к активной деятельности в соответствии со своими намерениями, желаниями, потребностями и интересами.

Здесь в наших кратких рассуждениях по пути к идеологии модернизации наступает своеобразный «водораздел» между различными частями абхазо-адыгского мира. Адыги (в Адыгее, Кабарде, Черкесии, как и в других национальных регионах России) этнически в связи с отменой записи национальности в паспортах упразднены. Кроме того, унаследованная от советов и записанная в ельцинской Конституции РФ формальная государственность этих народов в настоящее время полностью тоже упразднена. Руководство России реализует программы упразднения (поглощения, по Митрофанову, бывшего заместителя Жириновского) республик Северного Кавказа.* Таким образом, вопрос о государственности народов региона, по поводу которого иногда по определенным датам шумят, радикально снят. И поэтому народы региона могут иметь только такую свободу, которую позволит российский политический центр.

Волею судьбы и исторических факторов в Абхазии сложилась совершенно иная ситуация. Героическая Абхазия при помощи народов отстояла свою государственность и при стечении благоприятных

 *Сегодня, 1 апреля 2010 г. в 14 ч.30 м., когда я писал эти строки, мне позвонил старый друг полковник юстиции А.Сарахов и сообщил, что правительственная газета КБР «Кабардино-Балкарская правда» опубликовала сообщение о проведении совещания полпредом президента РФ по Северокавказскому федеральному округу по поводу упразднения наших республик и создании нового края на базе Ставропольского края, с оставлением народам региона статуса национально-культурной автономии! Это не первоапрельский розыгрыш, а начало реализации «митрофановского» упразднения наших республик – подумал я! 2 апреля Сарахов снова позвонил и сообщил, что в номере той же газеты опубликовано сообщение, что публикация газеты за 1 апреля была первоапрельским розыгрышем! Информатор лжет. С помощью газеты мощные силы России запустили в сознание нашего общества вести о своих близких намерениях...

международных обстоятельств получила признание государства абхазов Россией. Таким образом один из пятидесяти малых народов Кавказа теперь имеет свое свободное и независимое государство. История взвалила на молодое абхазское государство тяжелую и ответственную миссию: показать, кем является абхазский народ и кем он может стать в государственном и общественном строительстве, как органическая часть абхазо-адыгского, кавказского мира. Безусловно, решающим фактором успешности такого деяния Абхазии, будут поддержка и помощь России. Надо иметь в виду, что эта помощь и поддержка Абхазии в российском руководстве рассматриваются не однозначно. Так, В.Путин во время визита в Абхазию, как уже отмечалось, говорил о необходимости сохранения абхазами своей этнической идентичности. Но раздаются и другого толка голоса российских политиков. Так, во время визита в Абхазию. Б. Грызлова, один из депутатов ГД РФ, сопровождавший спикера ГД, в интервью Абхазскому телевидению заявил: «Россия радуется, что возвращает себе потерянные территории». И совсем недавно, в марте 2010 г. тот же Жириновский по Центральному телевидению глаголил: «Мы будем охранять абхазскую границу так, что птица ее не пролетит, мы будем охранять свою территорию!». Так что среди российской политической элиты достаточно деятелей, которые абхазскую государственность считают такой же фикцией, как и государственность северокавказских народов.

Перед политическим руководством и народом Абхазии в сложившейся ситуации идеологический и политико-организационный выбор эффективного пути ускоренного строительства нового государства и общества предстает как решение ими вопроса о своем будущем.

Этот путь, успешно апробированный человечеством, как отмечали в соответствующем разделе настоящего материала, носит название

м о д е р н и з а ц и я. Добавим некоторые общие моменты к сказанному с учетом абхазской специфики. Из множества ее характеристик, типов и видов, мы считаем, что наиболее емкую и удачную характеристику ее, модернизации, сущности дал один из великих американских социологов, признанный классик теории модернизации Талкотт Парсонс, ученик и воспитанник величайшего социолога современности Макса Вебера. Он акцентировал внимание на том, что в процессе модернизации общество проходит через три важнейшие революции: промышленная, демократическая и образовательная (см.: Парсонс Т. Система современных обществ.- М., 1997, с. 102-131). Если применить факторы модернизации Парсонса к нашим современным условиям, то они четко укажут положение дел с модернизацией в Абхазии. Промышленная революция для нас означает формирование рыночных институтов экономики. Абхазия за годы свободного развития с неизбежными трудностями создала рыночные институты и уже совершила эту революцию! Демократическую революцию нам надо понимать как решение наиболее важных задач формирования гражданской политической культуры и связанных с нею институтов современной демократии. На последних президентских выборах в Абхазии политическая элита и народ Абхазии в высокой степени завершили свою демократическую революцию, длившуюся с момента завоевания независимости! Выборы президента Абхазии руководство и народ Абхазии провели на уровне мировых демократических стандартов! Естественно, указанные абхазские революции - длящиеся, т.е. продолжающиеся совершенствоваться, углубляться, усложняться в целях успешного решения более сложных задач ускоренного развития Абхазского государства и общества. И, наконец, отметим, что Абхазия приступила с неожиданной готовностью к подготовке третьей революции в сфере образования и воспитания! И, как видит читатель, мы уже подготовили теоретические и методические инструментарий для успешного совершения идейно-организационной революции в этой судьбоносной сфере, от которой, в конечном счете, зависит успешность развития двух предшествующих революций!

Продолжим далее логику следования руководства, правящей элиты развитых народов по пути общественного модернизационного прогресса от традиционного к современному обществу.

Свободное государство утверждает и гарантирует социальное равенство членов модернизированного общества. *Социальное равенство – характеристика определенного общественного состояния, являющегося ядром всей системы социальных идеалов. Равенство составляет важнейший конституционный признак СПРАВЕДЛИВОСТИ, уравнивающей социальный и политический статусы отдельных индивидов и групп.* Равенство является необходимой предпосылкой свободы и формой участия всех граждан в конструировании «всеобщей воли» при равенстве всех граждан перед законом и равенстве воспитания (Руссо). В

любом обществе неизбежно существуют неравенства. Но в справедливом обществе социальные и экономические неравенства должны отвечать интересам каждого, все статусы и учреждения должны быть открыты для всех (Дж. Роулз. Теория справедливости). «Равенство возможностей» (по Д. Беллу единственно «справедливое равенство») тождественно свободе. И оно несовместимо с «равенством результатов» и «равенством условий». «Равенство возможностей» не исключает наличие экономического и политического неравенства, объемы которых в социальной действительности по возможности политической системой нарастающим образом целенаправленно сокращаются.

Модернизируемое общество, переходящее от традиционного состояния к современному, сталкивается с проблемой трансформации, преодоления отживших элементов традиционного равенства (вернее, неравенства), наследуемого от традиционного, неравноправного общества. Традиционное равенство (неравенство) дает обществу привычную клановость - личностная завязка, связка группы носителей власти вокруг главного авторитета от верховного уровня по всей иерархии системы власти до ее последнего звена. Эта форма власти и управления возникла при родовом строе, прошла через племена и племенные союзы, выросла в различные формы монархии и, наконец, породила режимы личной власти и остановилась в нашу эпоху на групповом «демократическом» правлении властвующих и управляющих, объединенных вокруг лидера или начальника по принципу личной ему преданности или послушности отбираемых в эту группу. Следует заметить, что современные политические системы власти и управления полостью не освободились от каких-либо из указанных исторических состояний сущности власти. В самых различных обществах наблюдается наличие различных комбинаций этих форм. Самой старой и живучей формой отношений, обеспечивающей личную преданность главе группы ее членов связано с кровно-родственными отношениями. При этом более живучей и могущественной, чем родственные отношения, является институт личной преданности главе клана. Последний не включит в свою группу своего близкого и достойного родственника, если он будет сомневаться в личной ему преданности. Вместо такого своего брата глава клана всегда выбирает постороннего (не родственника), который гарантирует ему и его группе беспрекословное послушание и личную преданность.

Окружив себя преданными, послушными родственниками и посторонними в качестве своих главных помощников и советников, глава клана пытается вести себя в соответствии с Законом 34 «Искусства обретения и удержания власти» (см.: Роберт Грин. Искусство обретения и удержания власти для тех, кто алчет власти: 48 законов власти. Перев. с англ. – М.: РИПОЛ классик, 2005, с. 198). *Держась в таком окружении «уверенно и величаво», он показывает «тем самым, что носить корону» - его предназначение.* «Ведь король уважает себя сам и вызывает то же чувство у окружающих». Но такого главу клана окружает группа, которая, независимо от реальных достоинств своего благодетеля, заранее считает его «королем».

Если кто-то из этой группы покажет, что главу не считает «носителем короны», он немедленно будет выброшен из нее. Кроме того, такой «король» и не подозревает, что, сделав ставку на клановость, он грубо нарушил другой, более важный 20 закон власти. ***«Только глупец торопиться, - гласит этот закон, - примкнуть к одной из сторон. Не веряйте себя никому, кроме себя самого не связывайте себя обязательствами. Сохраняя независимость, вы получите возможность властвовать – стравливая людей между собой, заставляя их следовать за собой (там же, с. 116)».***

Этот закон такой главе клана уже не поможет и он не может им воспользоваться. Он примкнул к самой опасной и бесполезной стороне – штатом послушных родственников, беспринципных и коррумпированных приспособленцев. Членов такого штата главных сотрудников главы клана не то, чтобы стравливать, элементарно ввести их в дискуссию в пользу дела будет невозможно. Какие бы несправедливости и ошибки глава не совершал, этот штат будет поздравлять его с великими деяниями и «по-братски» обнимать. И со временем неизбежно «задушит в объятиях» карьеру или жизнь самого благодетеля и его «королевского», «княжеского» дела. И тогда такого главы первыми отвернутся и предадут именно его родственно-послушное окружение.

При клановом руководстве таким верховным кланом и его филиалами на местах (страной, регионами, районами, селами, трудовыми коллектива) смысл и содержание свободы и справедливости неизбежно будут искажены и направлены на самоуничтожение самих институтов и утверждение их посредством фальши, лжи и социального блефа.

Традиционная форма власти и управления преодолевается формированием и развитием подлинно демократических форм этого важнейшего института общественной жизни. В основе этого процесса развитие института на основе подготовки обществом путем воспитания инновационных личностей в элитарных школах, колледжах и университетах с одновременным их привлечением к деятельности государственных органов методами отбора по их моральным, политическим профессиональным качествам с помощью развитой избирательной системы, конкурсов, ротаций и т.д. ***При этом, разумеется, что весь кадровый резерв имеет глубокое понятие о свободе и справедливости. Этот резерв имеет понятие о справедливости, как о должном, соответствующем современным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых потребностях и правах, и готов неуклонно с ними считаться в своей практической деятельности на государственной службе. Этот резерв усвоил достаточно глубоко истину, что справедливость, прежде всего, социально-политическая и морально-правовая категория, понятие. Например, этот резерв знает, что понятие справедливость содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов, социальных групп в жизни общества и их социальным***

положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием и т.д.

В решении проблем перехода от традиционного познания и управления социальными процессами важную роль играет социальная инженерия, раздел социологии, дающая возможность «социального конструирования» в рамках конкретных, частных процессов. Появление социальной инженерии связано с общей тенденцией успешного применения социологии для решения практических проблем и задач, особенно в сфере анализа и совершенствования управления социальными процессами. Социальная инженерия проектирует в помощь органам власти и управления правила, принципы, этапы и средства рационального воздействия на социальные явления, разрабатывает методы внедрения рекомендации, результатов социологических исследований в социальную практику. А как мы выше отмечали, кабардинская социология становится рядом с управленцами и сама внедряет свои рекомендации, обучая на этом опыте управленцев инновационным методам решения не решаемых традиционными методами сложных и важных проблем. Что и будет сделано в процессе внедрения программы социологии воспитания сперва в АГУ, затем, если поддержит руководство образованием Абхазии, и по всей системе образования республики.

Становление свободного общества и национального государства в современные, модернизированные, демократические институты посредством совершенствования воспитания подрастающего поколения, населения, руководителей и управленцев успешнее всего тогда, когда правящая элита берет на себя инициативу и организацию осуществления необходимых для этого преобразований. Этот процесс еще результативнее при условии, что и оппозиция поддерживает правящую элиту в этом судьбоносном деле. При этом сложении мнений, позиций, сил и средств общества нация выигрывает время, которое нас неотвратимо торопит. С другой стороны, при противостоянии правящей и оппозиционной элит процесс замедляется, время и силы тратятся на межфракционную борьбу во вред нации.

Решение данной проблемы полностью исключается при внешней агрессии. Поэтому помощь России в охране государственных границ Абхазии является одной из решающих факторов, создающих благоприятные возможности для модернизационных процессов в Абхазии.

Зависимые народы, лишённые творить собственную историю вообще вынуждены отказаться думать о модернизации независимо от правящей элиты господствующей, государствообразующей нации. «Для таких народов неподвижность неизменное состояние, пока они живы. Всякую попытку изменить ситуацию для них означает гибель. В конце концов, они гибнут либо потому, что отважились все-таки двинуться, либо потому, что окоченели (А. Тойнби)».

На этом целесообразно прервать бесконечную цепь идей, принципов, социальных явлений, которые связаны с идеологией и перейти непосредственно к анализу конкретной сущности явления.

На основе анализа политической системы 192 государств мира названные выше авторы Дж. Дербишайр и Я. Дербишайр дают лаконичное определение идеологии. «Идеология, - пишут они, - это ядро идей, которое отражает убеждения и ценности какого-либо государства и его политического строя». И тут же отмечают сущность роли идеологии в политической системе государства. Они указывают, что политики – не мыслители, а деятели. Даже если о некоторых из них сложится общественное мнение как о человеке, совмещающем качества деятеля и мыслителя, они остаются, прежде всего, деятелями. Они выбирают различные философии и используют их в качестве идейной платформы своей политической, управленческой деятельности. Такая практическая философия возникает в основном двумя путями: сначала это может произойти в результате революции, войны, а затем проходить через эволюционный процесс.

Очевидно, что в Абхазии эти оба вышеуказанных фактора повлияли на формирование действующей в настоящее время в стране идеологии. К этому, безусловно, следует добавить и еще два фактора - наследие идей и традиций советского прошлого и сопротивления колониальной зависимости от Грузии, которая целенаправленно вела политику поглощения абхазской нации и ликвидации ее государственности. Очевидно, что, сотканная из указанных четырех противоречивых и противоположных идейных конструкций, идейная основа абхазского государства представляет сложную систему ценностей. Но, как показывает мировой опыт, молодые государства, как правило, оказываются в подобном положении и их судьба зависит от того, как они выходят из него. А путь к выходу из подобного состояния единственный - эволюционное развитие в сторону накопленных в политической истории человечества форм идеологий. И надо отметить: к чести политической элиты Абхазии ее политическая система эволюционно движется в направлении передовых и результативных идеологий.

С определенной долей условности считается, что в мире существует восемь типов идеологий: 1) Либеральная демократия, 2) Молодая демократия, 3) Коммунизм, 4) Национал-социализм, 5) Авторитарный национализм, 6) Военный авторитаризм, 7) Исламский национализм, 8) Абсолютизм. Отмечается, что в 90-х годах XX века появилась девятая возможная идеология - популизм, который пока не признается девятой категорией в приведенной классификации.

Выбор правящей элитой нации любого из указанных, в том числе и популизма, видов идеологий зависит от множества факторов. К ним, например, относятся: экономическая, идеологическая, политическая истории нации, уровень развития ее интеллектуальной (интеллигенции), политической и правящей элит. И, наконец, от способности элит иметь информацию, освоить, принять или отвергнуть полностью или частично изложенные в настоящей разработке и связанные с ними иные идеи,

принципы, процессы, тенденции социальной, политической, юридической и организационной идеологий и практики. В результате формируется идеология политической системы, в основном характеризующаяся признаками одного из девяти возможных идеологий.

По приведенной выше классификации мировой политологией видов идеологий, очевидно, что Абхазию следует отнести к «*Молодой демократии*». Из 192 государств мира к этой категории относят 71 государство, охватывающий 1,5 млрд человек, или 26% населения земного шара, в мировом объеме ВВП (валового внутреннего продукта) составляет 8%, и средний доход на душу населения – 1,557 доллара США, уровень урбанизации – 44%, занятость в сельском хозяйстве – 46%, уровень грамотности взрослого населения – 66%, соблюдение прав человека – 61%.

Расположены эти страны в основном в Центральной и Восточной Европе (Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Словакия и т.д.), а также на юго-востоке Азии (Южная Корея – самая стойкая и продуктивная молодая демократия, Тайвань, Бангладеш, Киргизия и т.д.). Государства этой категории имеют много общих черт с либеральной демократией. Большинство из них имеют стабильность в политических системах, и опыт одного государственного переворота или смены правительства за прошедшее десятилетие. По этим признакам Абхазия уверенно можно отнести к данной категории. Несмотря на разные степени демократизации, все эти государства описывают как либерально-демократические на испытательном сроке.

Между тем, следует отметить и тот факт, что в *Абхазии определенным политическим партиям из среды оппозиционных присущи явные элементы популизма*. Популизм возник и используется для завуалированной опоры на привычные социалистические ценности в условиях мучительного перехода страны к экономически конкурентоспособному рынку и либеральной многопартийной демократии не гарантированными обещаниями облегчаемым мучительным и трудным путем. Но последние президентские выборы показали, что подавляющее большинство населения Абхазии уже критически относится к популизму некоторых политических течений.

Очевидно, что передовая общественная мысль и следуемая ей ведущая политическая элита Абхазии ведет страну к политическому строю, основанной на идеологии либеральной демократии. И надо сделать так, чтобы никакие политические отклонения не увели ее от пути к этой самой благоустроенной политической и общественной системы.

Из 192 государств мира 74 определяют, как имеющие либерально-демократическую систему. Они охватывают 2,4 млрд человек, 43% населения мира, дают 86% мирового валового национального продукта и средний доход на душу населения – 9,916 доллара США, уровень урбанизации – 62%, занятость в сельском хозяйстве – 21%, уровень грамотности взрослого населения – 88%, соблюдение прав человека – 80%.

Основными критериями, по которым обозначается политическая система, относящаяся к философии либеральной демократии, являются степень, в которой правительство действительно представляет интересы масс и степень защищенности гражданских прав. Указанных показателей развитый мир либеральной демократии достигли в течение длительного и непрерывного функционирования основанной на ней политической системы: в Канаде и США – 177 лет, страны Северной и Западной Европы – 91 год. А подсчитанный по тем же критериям, что и в странах либеральной демократии, молодая демократия насчитывает возраст всего в 8 лет.

Основными чертами либерально-демократической системы являются:

1. Представительные институты, базирующиеся на правилах большинства посредством свободных выборов и выбора политической партии.

2. Ограниченность власти правительства, что означает существование плюралистического общества, в котором государственные интересы не всеобъемлющи и сосуществуют с другими, иногда соревнующимися интересами.

3. Подотчетность правительства электорату (избирателям).

4. Свобода слова и законодательного собрания, свобода личности, обеспеченная независимым правосудием.

5. Квалифицированная и справедливая, постоянно действующая государственная служба, ответственная перед существующим на данный момент правительством и, через него, перед электоратом.

Ориентировочно можно себе представить уровень соответствия приведенных черт либеральной демократии ситуации в аналогичных сферах абхазского общества. А путем социологических исследований можно четко измерить состояние их соотношений, из коих нетрудно делать выводы об очередных и отдаленных задачах. И все эти мероприятия надо вести одновременно с решением проблем воспитания молодежи.

Кроме того, для движения Абхазии в сторону освоения опыта стран либеральной демократии важно, прежде всего обратиться к социальной, политической и экономической истории и структуре процветающих небольших государств Европы. Подобные исследования снимут у нас синдром малочисленности населения и трудности предстоящих глобальных задач. Например, интересны опыты: Лихтенштейна – население 31 000, валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения один из самых высоких в мире – 46 200 долларов. Высокоразвитая и высокоточная инженерия, международные банки и туристическая отрасль составляют три основных элемента его успешной экономики; Люксембурга – население 413 000, ВВП на душу населения 40 870 долларов; Мальты – население 376 000, ВВП на душу населения 7 900 долларов; Монако – население 31 000, ВВП на душу населения 22 000 долларов; Швейцарии – население 6 995 000, ВВП на душу населения 40 900 долларов (славится в мире прямым демократическим правлением, осуществляемом при помощи проведения референдумов и собраний коммуны, стимулированием и реализацией законодательных инициатив граждан и т.д.); Швеции – население 8 780 000 ,

ВВП на душу населения 23 900 долларов, прославилась строительством так называемого «Шведского социализма», осуществленного, прежде всего, разработкой и внедрением открытого и новаторского государственного управления и т.д. Материалы подобных исследований могут быть успешно использованы с учетом абхазской специфики. Что облегчит решение многих проблем развития Абхазии, в том числе и воспитательных, путем использования апробированного опыта,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что материалы настоящей первой, а также второй и третьей частей наших теоретических и методических материалов должны стать предметом глубокого изучения, усвоения и дополнения участниками внедренческого процесса новых институтов студенческого самоуправления, педагогов и студенческого актива. В этих дополнениях и изменениях педагоги и студенты АГУ лучше учтут особенности специфики воспитательных и самовоспитательных проблем Абхазского общества и государства. Наши внедренческие мероприятия и последующее успешное функционирование системы инновационного национально-государственного движения молодежи Абхазии возродит и закрепит на будущее в Абхазском обществе непреходящие элементы пятитысячелетнего абхазо-адыгского архетипа с его абхазской спецификой и обеспечат их синтез с современностью. Распространение приведенных идей в сознании и общественную практику молодежи Абхазии, одновременное и последующее их проникновение в идеологию и политическую практику действующей системы власти, управления и идейной жизни абхазского общества решат еще одну судьбоносную проблему. Этот процесс остановит и повернет вспять задеятвованный могучими силами в последние два века программу обеспечения «неотвратимого угасания самосознания» абхазо-адыгов и других кавказских народов, обновленной в настоящее время вождем либерально-демократической партии России как задачу «очищения Кавказа от нерусского населения».

Предложенные система идей и практический опыт их использования осуществлены на основе проявления в кабардинском обществе интеллектуального института нашего менталитета «АДЫГАГЪЭ» - адыгство. Они будут доработаны учеными, педагогами и политиками в системе «АПСУАРА» - абхазство – преобладающего этнического самосознания абхазов об индивидуальности и самостийности своей культуры, результатов их деятельности. Внедрение такой синтезированной абхазо-адыгской программы в практику молодежной политики Республики Абхазия станет важными элементами превращения Абхазии в «кавказскую Швейцарию». В ней будет сконцентрированы интеллектуальные силы кавказской цивилизации.. Здесь можно будет осмыслить и апробировать исторические и современные идеи и деяния абхазо-адыгского, кавказского менталитета в условиях свободы и гарантии безопасности и благоприятных

условий каждому способному и желающему преданно служить нашим глобальным целям в новом тысячелетии. Добытый таким образом мыслительный и практический материал будут бесценным достоянием всех братских народов российского Кавказа. Подобный синтез мысли и действия будет соответствовать многовековой мудрости абхазской пословицы, советующей народу о необходимости уважительного отношения «К ТОМУ ПРОГРЕССИВНОМУ, ЧТО ИМЕЛИ И ИМЕЕМ, ЧТОБЫ ПРИОБРЕСТИ ТО, ЧТО НЕ ИМЕЕМ».

Великий русский «инженер человеческой души» Антон Чехов призывал россиян «по капле выдавить из себя раба». У абхазов нет времени по капле выдавливать внедренное в их сознание двухвековой безжалостной историей рабство. Слишком могущественные силы в мире ждут, что в этом процессе Абхазия споткнется, и отдаст себя на милость этих сил. Одним мощным социальным прессом абхазское государство и общество должны навсегда выдавить рабское сознание и поведение из общественного организма. Абхазский народ показал всему миру, как он намерен и может поступить с этим колониальным наследием: выиграл смертельно опасную революцию во имя свободы, на двух последних президентских выборах доказал, что быстро может усвоить и использовать современные демократически методы строительства нового государства и общества – важнейшего достояния современной цивилизации.

Следующий очень важный для будущего Абхазии рывок в сторону ускоренного развития сделает в соответствии с указанными идеями программами в молодежной среде! Воспитание достойной молодежи является решающим фактором обеспечения Абхазии достойного будущего!

Circassian World is an independent non-profit web site dedicated to create an informational resource for Circassians and non-Circassians who wish to learn more about the heritage, culture, and history of the Adyghe-Abkhaz people. For more information regarding CW, please contact: info@circassianworld.com